

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ
ВЫДАННЕ

БРЭСЦКІ РАЁННЫ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ
АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІчнай РАБОТЫ,
КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ
РАЙВЫКАНКАМА
БРЭСЦКАЕ АДЗІЯЛЕННЕ САЮЗА
ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ
(ГРАМАДСКІ ФУНДАТАР)
БРЭСЦКАЯ РАЁННАЯ ЦЭНТРАЛІЗАВАНАЯ
КЛУБНАЯ СІСТЭМА

Рэдактар і ўкладальнік:
Аляксандр Валковіч

Рэдакцыйная калегія:
У.Р. Сянчук, П.І. Вальнец, Л.П. Балашова,
А.В. Ляонаў, Э.Ю. Марозава, Ж.С. Гарустовіч,
Т.А. Дземідовіч, І.А. Панасюк

Навуковы кансультант:
Швед Іна Анатольеўна,
доктар філалагічных навук, прафесар

Аўтар праекта:
Аляксандр Валковіч

Камп'ютарная вёрстка:
І.П. Суворава
Карэктар І.У. Хмель

Кантакты:
(+375 29) 20-161-02;
e-mail: kotlas@tut.by
Чытаць анлайн: <http://brest-railib.by>

Падпісана да друку 08.11.2023.
Фармат 70x100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 80 экз. Ум. друк. арк. 6,80.
Друк цыфравы. Надрукавана ПУП «Мара кліента»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 326-2023.
Пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Кірава, 122, пам. 85, 224013, г. Брэст
тэл. (+375 162) 35-55-67, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: маляунк зроблены з дапа-
могай нейрасеткі
1-я і 4-я с. вокладкі: святочны ручнік,
майстар Надзея Абламская

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 1 [45]•2024

У НУМАРЫ

Імя в історіі Брэста.....	2
АСТРАМЕЧАВА І АСТРАМЕЧАЎЦЫ	3
ОАО «Остромечово»: 75 лет на аграрной ниве.....	4
Надзея ПАРЧУК Астрамечаўскія мадонны	6

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАННІ СПАДЧЫНЫ	7
Аповед Сямена Курапатвы з вёскі Кустава пра пачатак вайны, фашысцкую акупацыю і вызваленне.....	8
Бяроза ў палескім фальклоры.....	15
Міжнародны дзень роднога языка.....	18

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ	19
Об архаической модели «люди — птицы» в белорусском фольклоре.....	20
Калядны батлейкавы спектакль.....	29

МАЛАДОЕ ДРЭВА	35
Софья ДЯДЮК.....	36
Даша ШУЛЬЖИК.....	38
Владислав СИДОРЧИК.....	42

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА	43
Александр ВОЛКОВИЧ. Поймать угря в росистой траве.....	44

КНІЖНАЯ ЗАЛА	57
“За іх, загінулых, живу...”.....	58
В дар Остромечевской библиотеке	60

СКАРБНІЦА НАРОДНЫХ ТАЛЕНТАЎ	61
Чем угощают жители Брестского района на Коляды и какие щедровки им поют.....	62

КАЛАЎРОТ КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ	65
«Еда — хоть куда» в Леплевке.....	66
«Наперад у мінулае Брэсцкага раёна».....	68
Семинар в Чернавчицах.....	70

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ	71
В селе Мотыкалы Брестского уезда Гродненской губернии был установлен памятник-бюст русскому царю Александру II.....	72

Имя в истории Бреста

В секторе краеведения Брестской центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина экспонируется выставка, посвященная памяти В.П. Ласковича — фронтовика, публициста, члена Союза писателей Беларуси.

Ласкович Василий Петрович (1914–2012) – уроженец д. Франополь Брестского района. В пятнадцать лет вступил в Коммунистический союз молодежи Западной Беларуси, а в 1933 г. – в компартию Западной Белоруссии (КПЗБ). Активный участник революционного и партизанского движения в Беларуси.

После Великой Отечественной войны получил высшее юридическое образование, до 1970 г. находился на советской и партийной работе, в органах юстиции Бреста, работал научным сотрудником МК «Брестская крепость-герой».

Василий Петрович мечтал создать музей КПЗБ в городе над Бугом о ге-

роическом прошлом Западной Беларуси. Своим творчеством оживил сотни активистов революционного движения Беларуси. По инициативе В.П. Ласковича улицы Бреста и других городов Беларуси названы именами В. Хоружей, Н. Дворникова, И. Тарасюка и др.

Автор книг «Тайными тропами», «Из племени непокоренных», «Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии», «Отзвук далекой грозы».

В.П. Ласкович собрал богатейший личный архив по истории Брестского подполья, значительную часть которого передал научным учреждениям. Награжден пятью орденами и медалями, за активную общественную деятельность – орденом Франциска Скорины. Почётный гражданин Бреста.

*По информации Центральной
городской библиотеки
им. А.С. Пушкина*

АСТРАМБЧАВА І АСТРАМБЧАЎЦЫ

ОАО «Остромечево»:

75 лет на аграрной ниве

75 лет — такой серьезный юбилей отметил в этом году флагман аграрной отрасли Прибужья, открытое акционерное общество «Остромечево». Образованный 8-го февраля 1949 года колхоз «Память Ильича» объединил 75 хозяйств, а уже в марте того же года в сельхозартели были укомплектованы три полеводческие бригады, строительная и огородническое звено. С годами хозяйство укрупнялось, развивалось, крепло.

Сегодня «Остромечево» — одно из ведущих сельскохозяйственных предприятий, где трудятся люди, увлеченные своим делом, и с любовью относящиеся к родной земле.

Напомним некоторые организационные, «реперные» точки на долгом и славном пути становления.

Этапы большого пути

Первым объединением на входящей сегодня в состав ОАО территории стало объединение колхозов имени Молотова (д.Кустынь), имени Мичурина (д.Лыщицы) и «17 Сентября» в одну сельскохозяйственную артель имени Мичурина - в 1951 году.

В Остромечевском сельском совете первое объединение колхозов произошло 30 марта 1952 года. На объединённом общем собрании членов колхозов «Новая жизнь» и «8 Марта» было решено объединить эти колхозы в одну сельскохозяйственную артель «Новая жизнь». В этом же 1952 году 24 декабря на общем собрании членов колхоза «Память Ильича» решался вопрос об укрупнении хозяйств «Красная звезда», «Красный партизан», Имени Ворошилова. Было решено объединить их в одну сельскохозяйственную артель «Память Ильича», председателем избрать Мизерия С.Ф.

29 января 1954 года согласно решению общего собрания членов колхозов произошло объединение колхозов «Память Ильича» и «Новая жизнь».

15 мая 1981 года «Память Ильича» объединился с колхозом им.Мичурина, в который входили 555 членов. Наименование крупного колхоза осталось неизменным.

16 октября 1982 года на общем собрании колхозников «Память Ильича» и «Октябрьская Революция» было реше-

но объединить эти два хозяйства в одно и присвоить ему наименование колхоз-комбинат «Память Ильича» с центральной усадьбой в д. Остромечеве .

12 июня 1986 года присоединены часть земель совхоза «Западный» - д.Яцковичи, Погубятичи, Сегеневщина Брестского района.

13 августа 1992 года колхоз-комбинат «Память Ильича» преобразован в сельскохозяйственное коллективное предприятие «Остромечев».

10 июля 2003 года СКП «Остромечев» переименовано в сельскохозяйственный производственный кооператив «Остромечев».

22 марта 2016 года преобразовано в ОАО «Остромечев».

За это время хозяйство возглавляли:

Андрей Васильевич ДАНИЛЮК
1949–1952 гг.

Семен Филиппович МИЗЕРИЯ
1952–1957 гг.

Иван Васильевич ДЕРИШЕВ
1957–1961 гг.

Семен Филиппович МИЗЕРИЯ
1961–1976 гг.

Михаил Васильевич ДУЛЕВИЧ
1976–1982 гг.

Алексей Степанович СКАКУН
1982 – по 04 марта 2016 гг.

Олег Анатольевич БУРАК
с 5 марта 2016 года.

Астремечаўскія мадонны

Жанчына ў нас не толькі маці,
Але й чароўная княжна,
І гаспадыня ў роднай хаце,
І берагіня, і вясна.

Пакуль яна дзіця калыша
Ці працай занята другой –
З яе мастак карціны піша,
Паэт складае оды ёй.

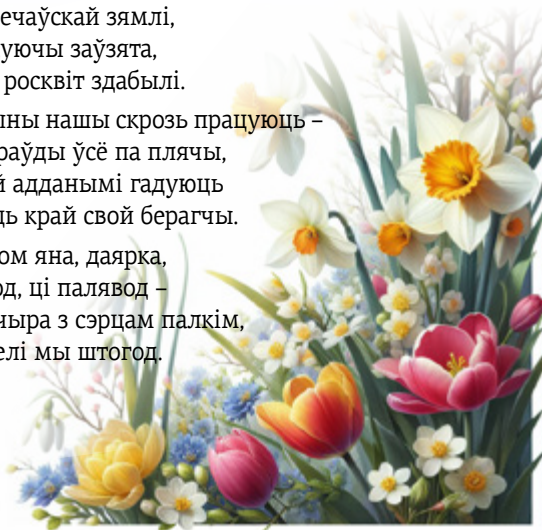
Падчас ваеннае навалы
Яна ўзнімала самалёт,
Не выпускала з рук штурвала –
І адступаў варожы зброд.

Народ заве яе мадоннай,
Што праслаўляецца ў вяках,
І параўноўвае з іконай,
Калі з дзіцяткам на руках.

Мадонн сапраўдных ёсць багата
На астремечаўскай зямлі,
Яны, працуючы заўзята,
Старонцы росквіт здабылі.

Жанчыны нашы скрозь працуюць –
Ім сапраўды ўсё па плячы,
Дзяцей адданымі гадуюць
І вучаць край свой берагчы.

Хай аграном яна, даярка,
Ці зверавод, ці палявод –
Працуе шчыра з сэрцам палкім,
Каб багацелі мы штогод.

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАНЫІ СПАДЧЫНЫ

Аповед Сямена Курапатвы з вёскі Кустава пра пачатак вайны, фашысцкую акупацыю і вызваленне

Запісала студэнтка БрДУ імя А.С. Пушкіна Вольга Гайдук ў в. Кустава Брэсцкага раёна ад Сямёна Іванавіча Курапатвы (15 лютага 1930 г.н., бел., пісьм., адукацыя 3 класа, праваслаўны, нарадзіўся ў в. Стаўбцы Бельскага раёна (Польшча)).

Думалі, што манёвры...

— Дід мій пэрэжыў тры войны. Я пэрэжыў тры войны. Мні вжэ восэмдэсят шэсты́ год пойшоў. Шо вам расказаты? Як война была? Як узналі? У нас, там где я жыў на родіны, там у нас буў военны городок, деревня Мутна называлася, Мутна. Там, ну кагда в трыццать девятому німэц напав на Польшчу, і разгромыв Польшчу, і нашу тэрыторыю, о. То де мы жывэма, о тута мы жывэма до Стоўбцоў. Стоўбцы — гэта от гэтаго і возле Барановіч. То була польска тэрыторыя, то уся була Польшча, то польска тэрыторыя. Отдав гэтой німэц, і прышла совецка власть ужэ. Вжэ в нас була совецка власть, з трыццать девятого года. Німцы ўшлы.

Я пры Польшчы кончыў одын клас. Одін клас в польскый школы. То було в трыццать восьмому году. А трыццать девятом вжэ началася руска школа. І ныма нычого. У сусіды була кніжка руска, руска кніжка. Я пойшоў попросыв, він мні дав тую руску кныжку, я научывса буквы там. І вжэ гэтаго пойшоў во вторый клас в руску школу. Анна Павловна Пукало фамілія

була, учыла нас. І кончыв я гэта, значыть, тый вторый клас.

І всё, гэта вжэ був сорок первый год. І дваццать второго іюня. Там, кажу, военный городок був, там була Мутна. Мутна, деревня Мутна. І военный городок, рускій. Солдаты рускі стоялы. І этого о, і рано всталі мы, і маты корову подоіла. Ну, батько встав, я. Выходымо і гу-гу-гу, гу-гу-гу, гу-гу-гу, грохотыть, стукотыть кругом. Кажэ маты: «Іван, война! Иван война!» А батько кажэ: «Якая война?! Манебры». Ну манебры такыі называлыса. Манебры по-польску учэнія. І так о расуждаемо стоімо. Як ахнуў самолет бомбу, бомбу самолет кінуў, гэта мусыть кіломэтор од нас, од нашый хаты. Гэта туда осколкы лытілы ў нас коло хаты. Батько крычыть: «Лягай!» Маты лэгла под забор, батько под забор ліг, і я на дорозы дэвлюса, і того о. І той самолет подняўса з аэрадрома, з аэрадрома подняўса. Кідав бомбы, бомбы кідав, шоб улэтіты. Він одіннаццать, а то одну такую. Як кынуў бомбу, діткы, то попалі в колодзец двеннаццать кругов. То двеннаццать кругов, десять то гэта девять мэтров, і дваццать девять.

То восемнаццать, і дэсяць адіннаццать мэтров глыбіна, і він воды достаў. Як тую бомбу кынуў. О так вот. Як бы хату всадыв, то нэ выдно было б тую яму. І того, о. Такая землю поднялася. Такой бугорочок. А водічка чыста-чыста така, я коровы пасвыў да бігаў воду пыты ў тую яму. Глубока такая яма (усміхаецца). Ооо, як той цілы двор, тая яма (паказвае). О, а той кінуў тыі бомбы і політій. І погнаў я коровы пасты, погнаў коровы пасты. І ўжэ гэта грухотыць, стукотыць. Кругом вжэ гэта, вжэ война, бьют. І солдаты, ўдарыв, уда-рив ноччу по гэтым салдатам. Деткі, побыв тых салдат, побыв тых салдат. І гэтаго, хто успіў усхватыўся. А на на-рах лыжасьці всі ныжывыі. Всі нары, і всі ныжывыі трупы. Ужэ вчор, ужэ вчором, ужэ німэц, ужэ німэц у нашому сылі. Ужэ німэц буў пэрэодетый. Тан-цы, вжэ музыка була, був перэодетый

на тых танцах. О гэтаго о. І рано, і рано вжэ гэтаго о. Хто успів штаны одіты, хто ў штанах, а хто ў кальсонах буў, біглі. І гэтаго о, батько пойшоў, а вжэ тэе сосіднэ сэло Ліново. Вжэ ідуць нім-цы, вжэ німэц ідэ. І такы коны бель-гійскы, бельгійскы коны, бэзхвосты. Сыдыць на фуры і гэтаго, такы жоўты банкы, маскы, о. Я прыгнаў коровы, і думаю: побыгу собі німця дывыты-ся. Там мэтроў восемсот, і так о. І тут жыто, дэвлюса кубло о гэтак вымятэ, вымятэ кубло. І в кублу нож лэжыць, столовый нож. Німэц лэжаў, німэц там лэжаў. Нержавейка, і я его схаваў, і по-біг. Заходжу ў тэе Вэліново, ідуць тыі німцы вжэ. На возах йідуць, і гэтаго. Шо дэвчатка характерно: ідэ мій бать-ко, ідэ мій батько туда, ідэ солдат. І одёный солдат с того городка быжыць, одёный. І батько кажэ: «Деткі, деткі, как вам бедным, што вам бедным де-

лать». А він кажэ ёму: «Ніхрена, папаша, мы ім ешчо хвост накрутім!» Той салдат на бацька. І бацька всю жызнь того салдата вспомянаваў, скілька жыў, то ешчо хвост накруцім. О, няма нікого, города. Развыб всё, і там тых побылы, хто взорваўся, то побіг. Хто в кольсонах, хто в штанах, о так. І всё, завтра вжэ німэц, завтра. Рано вжэ всталі, вжэ німэц. Немецка власть вжэ прыйшла.

Пра каня Гнянага, рускую «Кацюшу», пра вызваленне

— Немцы, вжэ мы пры немцах, гэта в сорок первом дваццать второго іюня. І, так, іюня, іюль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Гэта, значыць, і вот. Шість, сімь місяців, значыць, сорок первого года і чатыры года до сорок четвертого года. В сорок четвертому году і в іюле месяце, в іюле месяце сорок четвертого года, этот, уже, значыць, гналі немцев. Отступаў немец. І там, у нас, і леса такіе, ну. Леса такіе былі большіе, ну. І за лесом, значыць, сразу за лесом, этого, река. Река, і надо значыць форсіроваць. І значыць в Брэсце шчэ буў немец, немец в Брэсце стояў, в Брэсце стояў немец. А гэтаго, у нас, у нас вжэ рускій ішоў, 2-й Белорускій фронт ішоў. Фронт ішоў чэрэз Лышчыцы, туда пошоў на Высокэ, станцыя Высокэ і, Воля. Суходол, деревня. Потом от і Чэромха, і пойшоў: зубачі, Вулька, і Семіхочі — это фронт Второй Беларускай. А німэц шчэ буў у Брэсте, шчэ ў Брэсте німэц буў. І того во. Зайшлі вжэ в гэты Семіхочі, да кажуть: «Люді, ухадзіце, бо здесь будуть сільные боі, здесь будуть сільные боі». Ну тыі людзі этого, і значыць, там казалі тыі салдаты. Я прыгнаў коровы, бацько з матэрэю пойшлы косыты жыто, і забылы свынню, вжэ як фронт наступаў. Выкопалі ямку в

клуні, закопалі тэе мяса в тый ямцы, бо всё ровно німцы забэруць. І того от, наварылі гэтаго мяса і кутті. Куття — гэта о перловка, куття называлася. І того о, наварылі кутті з бобом тэі. І кінулі кусок мяса, мы зійлы по кусочку. А тое, а тое хай будэ на обід. Я прыгнаю коровы вжэ, то с поля. Ідэт тры німчуры. І лыжаты на подвірку ў нас, банка вжэ лэжыть з-под молока. Раншэ молоко опускалі в колодэж, коб смытану собраты. І того, крычыть: «Яйкі, яйкі, яйкі». Я забіг на гныздо, гэтаго, я там тых пару яец. Два було, чы однэ, отдав тым німцам. І в ворота, і ходы быгу до дядька. Клуня у дядька там, на подлоге. Захожу, а я ж нэ знаў. Захожу, поўна клуня людэй і жэншчыны, і мыжчыны, і діты. З всей деревні Семіхочы, і гэта, і сідят, бо казалі, шо ухадзіте оттуда, бо будуть сільные боі. І того, я вжэ сів там з імы і сіжу в тэй клуні. Сіжу, кукудачаць куры. Я тэе о, зайшоў, она взорвалася і побігла. Дэвлюса цілэ кубло яец. А він мо так мэтров сто. Мэтров сто було от нашэй хаты до дядьковыі хаты. Пры немцах выгналы ёго і тая хата стояла там, клуня. І того крычыть: «Яйкі, яйкі!» І стоіть под двырыма. Я прыйшоў, взяв тэе яйцо, попрабоваў тэплэ. Закрыў соломью тыі яйца, даю тому німцу. Яшчэ цеплэ. І всё, прыходыть вжэ бацько того з поля в обід, прыходыть з поля, прыходыть з матэрэю, і вжэ после обіда не пойшли. Я шчэ коровы погнаў пасты, а воны вжэ нэ пойшлы косыты. Вжэ бацько косыть жыто, а немцы окопы копают. Копают окопы. І кажэ такый старый німэц: «Фатэр, фатэр, фатэр! Ком, ком, ком!» Фатэр, то бацько. І: «Капут, капут, капут! Фатэр, тохтэр, мутэр, фэндэн!» Всіх пэрэчыслае. Фэндэн то конь. Кляйнэ то діты. Ну, капут всему будэ, той німэц. Дае бацьку сігару, ну сігару дае. Такіе сіга-

ры немецкі. Покурыў, покурыў, походыў. Прыходзіць, зноў: «Фатэр, ком». Зноў дае тую сігару батьку. І зноў кажэ, зноў пэрэчысляе. Капут, капут значыць. Тохтэр, мутэр, батько, маты, кляйнэ, діты, фэндэн, конь. Капут будэ, капут, поб'ють, ну поб'ють ужэ значыць. І того, о. І колы батько прышоў вжэ додому з матэрыю, і вжэ ны погналі. Вжэ ны пойшлы вжэ косыты. А я погнаў коровы посла обіда пасты, і на другый дэнь давай мы копаты бомбоўбежышчэ. Выкопалы, выкопалы во дворе бомбоўбежышчэ. Деткі, такое, мусыць, ну метра поўтора глыбіною. І булі ў нас, брус лежаў, ну брус сосновы. І поставілі стойкі по углам, і на тыі стойкі položылі перекладіны. Накаталі той брус. А потом звэрху навалілі поў мэтра гэтаго о зэмлі, і воно, шоб снарад ны пробыў. І мы от так стоімо, от так о бомбоўбежышчэ было. Вот так во сюда, а во окно было, дэ мы стоімо, о. О тут стенка була, а бомбоўбежышчэ сюды было (паказвае). А тут дырка була, і того о. І ўжэ на другый дэнь усё Віленово, гэта деревня Віленово, восемсот было от нас, дэ мы жылы. Гэта было хутора, там булі, як то называлі колёніі. Нэ сэло, а по отдельно хаты. Колёніі называлы, колёніі. І мы на колёніі булы. І там в тому Віліновы двесте дворов. І там вжэ Катюша прышла. Руска армія, руска. Шоб вы, діткі, бачылы, як тэ сыло горіло, гэта горыць. Гэта ж як, хаты булы густо. Хаты, клуні, всё горыць. З конца в конец пламенем. О так восемсот мэтров од нас выдно всё як на ладоні. І горыць тэ сыло, як начала тая Катюша даваты, і дае тая Катюша, дае. О так от. І ідэ, она ж по рэйсам. Рэйсы такыі, і по рэйсам. Двеннаццать снарядов. І у нас там на хутор мэтроў штырыста, у нас сусід жыў, як дала Катюша по крышы, то крышу збыла. Крыша

горіла отдельно, а хата горіла отдельно. Катюша збыла. І мы дві ныділі сыділы в бомбоубежышчэ, дві ныділі. І того о, і коны, колы вжэ бралы модяры, власовцы, немцы, коны забыралы в нас. І брат, старшый був пять літ мэнэ, сёння завів там такы булы мэжы. Мэжы в сусідного сыла, а то болото, а то мэжы. І на мэжы на тый прывязаў того коня там, на той мэжы там. Ну і вжэ ныма, ны бэруць вжэ німцы, бо боі. Вжэ тыі коны нэ трэба. Стоіць той конь дэнь, стоіць другый, стоіць трэтий прывязаны, а він тож голодный, бо трое суток. А гэтаго, а я шкода мні було, штэрнаццать літ, а тож конь, тож пас. І я ныкому нычого ны говора, выскочыў з того бомбоўбежышча, і пошчыбоваў за тым конём. Пойшоў у жыто, жытом, жытом, а там, гэтаго, ў Альшынах корчі, болото. Болото пэрэбіг, заходжу, а він стоіць прывязаны. Вжэ об'іў собі кору, кору вжэ пооб'едаў. Шчо достаў, бо голодаў, і того о. Я: «Гняный!» Гняный зваўся. «Га-га-га-га» сразу. Я подбіг, раз ёго одчыпыў сразу. І прыйшоў шчэ мужчына. Шчэ мужчына прыйшоў, тожэ кобыла була прывязана. І мы сілі вэрхамы на тыі коны, і ійдэм. Чэрэз болото, значыць, на нашэ поле. Пэрэвалілі вжэ тэе болото, і токо вскочілі. У нас такій був в сэлі трубы, трубы такіе о. Гэта нашы хаты вжэ, стоўбцы. Стоўбцы — гэта Веліново. І як только, значыць, доехалі мы до того забору, і він сыдів, значыць, в тэі машыны, як стрэльнуў з пулемета по мні. З пулемета. Я, як знаешь, рэзко конь злякаўса, конь як рвонуў. Той упэрэді вжэ буў, пожылый вжэ такый хлопэц, вжэ мо і літ трыццать было тому хлопцу. А я ж пацан, мні ж было штырнаццать літ. Як конь рвонуў, я ўпаў. А конь пойшоў, а він лупыць, лупыць з пулемета, пулі «тіў-тіў-тіў-тіў-тіў-тіў-тіў», пулі, ну, свышчуть. Пулі

то тівкалі. І я вжэ всё, ныма вжэ патроноў. Я раком, раком, раком. І того о. Под мэжу, і под жыто, і пойшоў. Іду, іду вжэ до дому. До дому іду, там мэтроў штырыста мусыць іті было до дому, по жыты. Іду, іду, прыходжу. А у нас хата стояла на перескёстке дорог. Ну, перекрёсток дорог называецца, штыры дороги. І бацько стоіць на дарозі: «А дэ ты буў?» Я іду плачу, кажу: «За Гняным ходыв». «Ййй, ты сукін сын, тож тэбэ маглы забыты». Кажу: «Быв з пулемета, алэ нэ забыв». Стоімо так во говорымо. І быжыць наш той Гняный, быжыць Гняный. І прэ, тож трое суток ны йів нычого, пыты хочэ. Тожэ ж жара такая. Літо тожэ жаркэ было. І того о, быжыць той Гняный, подбіг под колодэж. Бацько пойшоў прыніс кубло, дэрэвяны кубла булы такыі. Вытягнуў тры з паловыныю кублы, выпыў той конь. Погладыв по шыі: «Іды, Гняный». Коровы, свыны, овычкы — всё ў полі. Сараі позакрыва-ты. Всё, всё, всё ў полі. Там, зерно там, ну ечменя, на сенокосах. І того о, затіш'е боя, нэ стрэляють, нічого, так харашо. І кажэ маты: «Сынок, бэжы, прыжэны коровы, я подою». То два дні коровы нэдожаны, тры, штыры нэдожаны. І я выйшоў і пошыбоваў. Тут картоплі, этой, і борозны. Ну як бэгу я по тых картоплях, подбіг, можэ, мэтроў трыста, лэтыць самолёт. Лэтыць отсюда, а одын оттуда. І, як открылі огонь одын по другому. Я ліг у бороні ў картоплях і дывлюса. А він пулеметом валіт по другому самолёты. Дывлюса, горыць самолёт, горыць. Пламя, охватыло огнем, о то вжэ пламя огня. Думаю, упадэ на мэнэ той самолет, я злякаўса. Думаю, можэ, як будэ падаты, то втыку, взорвуся. Не, это вжэ дав, збыв пламя, пламя збыв. І той самолет політв. Одын в другую сторону політв, а другый в другую. Ну, я бачу

немецкій, русскій, разлічаю. Прыгнаў тыі коровы, маты подоіла. І всё, і прышоў, і опяць в бомбоўбежышчэ. І ў нас був, ну ішоў він, він був гэтой, ну як, власовец. Власовец був. Знаешь, хто власовцы былі? Совецкій солдат. Влас — гэто був прэдав армію, прэдав армію, влас. І гэто называліся власовцы. І воні пошлі, воні пошлі во німця. І воёвалі, і воёвалі з німцём. Протів Росіі пошлі тыі власовцы. І когда вжэ началі гнаты, мы вжэ бачым, шо дело ерунда. І прыходять до нашого сусіда, і кажуть: «Хазяін, дай адёжку пераадецца, пераадецца дай адёжку». Ну, той прініс ім штаны, булы такы самотканы. Дав тыі ёму штаны, дав катыі чэрэвычкы. І він, той німец, тую робу з сэбэ скынуў, той власовец, власовец. Взяў у пічку кінуў спалів. І прышоў, і сыдів у нас коло бомбоўбежышча. Він знаў, і сыдів сыдів, і кажэ: «Папаша, сіді, не лезь». Выкопалі мы собі тэе бомбоўбежышчэ. З сусіднёго сыла, діткі, дыхаты нэма чым, жарышчэ. І задыхаюцца люды, задыхаюцца. І кажэ: «Прыготов подушку». І гаворіт, шо когда будэ, значыць, когда ідэт пуля, то пуля ідэт вінтом, і в подушку заматываецца. І вона вжэ нэ підэ далей. За пір'е замотаецца, і будэ вжэ там. І сыдыць в том бомбоўбежышчэ з бацьком той власовец. І гэтого, як та пуля, то втыкають, втыкають. І того о, і потом я нэ знаю, мусыць днів пять чы більш сыдів, і пошоў той власовец. Куды пошоў, Бог ёго знае. І мы дві ныділі просыділі. І всё, рано всталі, рано всталі мы, о. Прыходять тыі разведчыкі рускіх, прыходять. Таварышчы, прышлі вжэ. І того о, быцько прыніс вэдро, вытянуў воды з колодыза, воны расцігнуліся, помыліся, попылі. І тут конь наш той Гняный там ходыв, на Посвысковы. Прыбыгае сусід: «Іван, воны коня забралы!» І бацько побіг

туды. Толькі пыль встала, попэр за конём, шоб вы побачылі. Забралі і поіхалі. Сёння ешчэ йіздзяць на ёму. І того о, і всё. Вжэ прышлі, вжэ прышла армія руска, і вжэ ж стала, вжэ стала война кончылася, вжэ стала Росія вжэ. Ну как, у нас вжэ кончылася война. Там то война шла шчэ год почті. Но в нас, нас вжэ освободылі от гэтаго, от того чучуда. Салдатікі бегают, ходят солдатікі: «Не бойтесь нічого, давайте што-нібудь, давайте».

Пра карацелей СС, як забівалі мірных жыхароў і як спаслась польская дзяўчынка

— Ой, дзіткі, я вам раскажу одын эпизод. Это то і, это мы рано повставалі. Рано всталі мы ну утром, і булі такі «карательны батальёны». Называўса «Карательны батальён. Войска СС». І в іх був на рукаві, на рукавах чэрэп трупa, чэрэп трупa. Это «Войска СС. Карательная спецыяльная подготовка». Немцы спецыяльна готовылы, коб убываты люды. Это ссэсовцы называліся, войска СС. І прыходзяць тыі ссэсовцы, і кажуть: «Партізанов німа?» Спрашваюць, чы партізанов нема. А бацько кажэ по-польскі, шо в хаты нэма. А в сараі, ну там клуня, а хлів то хлів. Дэ коровы стоялы, то хлів. А клуня, де зерно клалі. То кажэ: «Там я ны був». То пошлі тыі немцы до клуні, всё обошлі, подывыліся, нема. І забраліся і пошлі, і пошлі тыі немцы тудa до солтыса. Зайшлі, я погнаў коровы пасты, погнаў коровы пасты, так о. Тут поле, там поле, а тут бэроза. О так на кусок, бэроза росла, і мы: я, Хувнюк Петька і Володька Корупатов, однофамільцы, родственнік наш. І мы, він з дваццать восьмого года був родены, вот з дваццать шостого, а я з триццатого.

І пасэм тыі коровы. Тыі німцы там ужэ прошлы. Взялі воду в солтуса, і вжэ вэзуть в іх сэло тры кіламетра. Вэзуть, дэ воны там стоялі. А мы пасэм, і так, ну, можэ, мэтроў як бы сказаты, як до того корча о (паказвае). Корч о так о, значыць, от іх. Ну, стоімо, значыць, коб коровы по сену не шлі. А воны йідуць і крычаць: «Комбэгэм, комбэгэм, комбэгэм!» Ком то значыць бэжы, то бігом, значыць, бігом. І воны йідуць, вот так вот по прамой йідуць. А потом ім во так вот, значыць, поварачываты. І мы бэжэмо. Було бігты можэ мэтроў пятсот, можэ і більш. Біглі мы біглі. Вжэ задыхаемся, і не добіглі, можэ, як то до тэі дарогі, вжэ сталі. «Комбэээгэм!» Пудбыгом подыгаемо. Сідят, на гэтому, на возу. Вінтовкі трэхлінейкі, трэхлінейка була такая. Дула гэта дэсятізарадка. І этого о, кажэ этого: «Партізанов не віделі?» Кажу: «Пані, не віделі мы. Мы пасэм по полі, а нэ по корчах». Він достае, на возе лежаў такі крохы доўжы чым той (паказвае), такы з сукалямы бэрозовы, як пэрэтыгнуў мэнэ тым бэрэзнячком по плечковы вместо партізан. І того о, я стою лякочу, трасуся. І того о, і раз только врадыв, більш нэ був, раз только о так по плечку. Як я так стаяў, уда-рив мэнэ, і того о.

І поіхалі воны тыі німцы, мы пойші. Бо нашы коровы пошлі по тых прыцэлах. Всё, і вжэ пасэм далей. Прышла, подожды, то шчэ було шэ німэц був, да. Погналы коровы пасты на дядькову лонку, дядькову лонку. Лонка — сенокос, то лонкы называецца. Пасу тыі коровы, і там гостынец есть, то нашэ сэло. Нашэ сэло, то у нас там дві как бы сказаты. О гэта о шо ідэ, то вона ідэ чэрэз нашэ сэло. Гэта отсюда, гэта отсюда будэ кіламетраў пятнаццать, чэрэз нашэ сэло ідэ. І того о, і то на той дароге я пас тыі коровы, дядька

лончы. І того о. Жынут, жынут, і німці дві жэншчыны. Дэвчатка, помню як сёння, такія высокі большыя жаншчыны. Этого о большіе, большіе. Можэ дэ по мэтэр і семесят ростом. Дві. Одна пожылая такая, можэ літ семдесят, можэ і больше. А друга літ сорок такая, можэ літ сорока. І ссэсовец жынэ, з автоматом, тыі дві жэншчыны. А я тут Коляда, фамілія Коляда нашого солтыса, і я стою там. Ну пасу коровы там, возле того хлів такый. І сзадзі бэжыць дэвочка. Лет двеннаццаті, можэ, такое вот дытя. Быжыць сзадзі, то гэта гналі бабушку і матэру, гналі тыі ссэсовцы. І погналі і там шэ там дві хаты было за Калядою, за солтысом. І это, чую: тутуту, дві лошады автоматніх. І всё, і воны іх значыць там пострылялі, убывы значыць тых жэншчын. А тэе дытя развэрнулося і бэжыць назад. Матэру і бабушку забылі. Оно быжыць, прыбыгае. І туды на подворок, і кажэ: юш німа моёй мамусі. Ну, мамкі, по-польскі. Юш німа моёй мамусі. По-польскі гаворыць. І того о. А тут йідуць ссэсовцы ў кухавах з Семіход, дэ тэх жэншчын гналі, і бабушку і матыру. І тая дэвочка тут так о, хлів з пустаков, блокі, блокі. Блокі, то пустакі называліся. І хлів, тут туалет коло гэтаго, коло того хліва. І вона гэтаго о, раз. Як побачыла, шо тыі ссэсовцы, і тая дэвочка раз і в туалет. Побігла в туалет. Той німэц о, вжэ нэ так далеко. Той німэц прыйіхаў, зліз з ровэра. Поставыў коло хліва, і ідэ ў той туалет. Ііі, а я стою о, так о

як да тых дарогі (паказвае), не далей я стою. О, як тая дарога. І, думаю, всё. Я стою о гэтак о руку трасуцца, ногы трасуцца. І думаю, заб'е тое дытя, заб'е дытя. А він подышоў, а тая дувочка зашла в туалет, і тое зашчыпнула туалет на зашчыпку, і він гэтаго о. А він попісяты хотів той німэц. Прыйшоў, потрас за дзэры, а зашчэплены. Пойшоў за хлів. Стаў, а я стою дывлюся. Попісяў, постаяў, постаяў. І забраўся і пойшоў. Пойшоў да солтуса там, шэ тры там было ссэсоўцоў. І того о, выйшлі на тую дарогу, сілі на ровэра, і пойіхалі.

А тая дытынка развырнулася і побігла за тры кыломэтра додому. Бабушку убыві і матэру убыві. О то сама для меня трагедія була. Я так пэрэжываў, я хотів так тую дэвочку побачыты. Я вам суткі, дэвчаты, хватыло бы расказваты (усміхаецца). І гэтаго о. Я хотів тую дэвочку побачыты. Я знаў сыло, і фамілію знаў, ну это матэрыну. Я йіздыў в Польшчу, бо там моя родіна ў Польшчы. І пытаў, то казалі, што вона жыве ў Беластоке. Ну, тая дэвочка, за поліцаем замужом. За поліцэянтном польскім замужом. І в Беластоке, я був в Беластоке. І в Бельску був. Я кругом був там. Тому шо до сорок пятого года, мы жылі, ну там в Польшчы жылі. Когда кончылась война, і гэта, значыць, у сорок пятому году. В сорок пятом году кончылась война, і у нас вжэ стала Росіія, Савецкі Саюз...

Zaníc 2015 2

Бяроза ў палескім фальклоры

Запісана студэнтамі-філолагамі БрДУ імя А.С.Пушкіна

Вясельная:

Ой, у лузі каліна-бэроза накрыта,
А вже наша Оленька запыта.
А хто эту бэрозоньку накрывав,
А хто ж нашу Оленьку запывав?
Эту бэрозоньку накрывав
Господь Бог,
А нашу Олечку запывав увесь род,
А её батэнько напэрод.

(Песня сцяваецца на запоінах.

*Запісана студэнтамі Шаламіцкай
В., Кастрыцкай Л., Петруковіч Г.П.*

*ад Пешка Сямёна Іосіфавіча
(1903 г.н.),*

в. Гарадная Столінскага раёна)

А ў нашого гасподара
Шырокі двор, як у пана.
На тым дворі росла бэроза,
На тэй бэрозэ сыльная роса.
Дэсь взялыся буйныя вітры,
Тую росу обтырусэлэ,
Дэсь взялася красная панна,
Тую росу позбырала.
Кавалёчкам одосдала.
— Выта ж моі кавалёчкі,
Скуйтэ мэні трэ нарядочки.
Перша нарэда — пырлыв вынок,
Друга нарэда — золотэй пэрстынь,
Трейта нарэда — шовків рушнык.
Пырлыв вынок на голывку,
Шовков рушнык — на шлюб статэ,
Золотэй пэрстынь — мылomu даты.
За гэтым словам бувайтэ здорovy,
Бувай здорova, красная панна,
Усі свята святкуй здорova,

Ны сама з собою — з батьком, з маткою,
З батьком, з маткою, з усёю роднёю.

*(Запісана ад Шайновіч Марыі
Пайлаўны, в. Імянін Драгічынскага раё-
на Брэсцкай вобласці (1953–1960 гг.).*

Жніўная:

Жала я жытычко пры дарозы,
Повісыла колысочку на бырозы.
Вісы, вісы, колысочка, ны хытайся.
Спы, моя дытыночка,
Ны прочынайся.
Жала я жытычко пры долины,
Повісыла колысочку на калыны.
Вісы, вісы, колысочка, ны тяныся,
Спы, мое дзітятко,
Ны павырныся.

*(Запісана ад Кунахавец Г.Н.,
в. Махро Іванаўскага раёна).*

Традыцыі:

Помыем полы, прыбэрэм, печкі
побелімо і абязацельно пойдэм до бэ-
рэзіны. А бэрэзіны нэ было блізэнько
свое, ходзілі ў Мар'яново, коб налома-
ці бэрэзіны, поўну хату ўкрасіці, две
бэрозкі пэрэд воротамі і парогom за-
ко-паці, за іконы заткнуці.

*(Хутко Марыя Васільеўна, 1939 г.н.,
в. Дзягелец Бярозайскага раёна).*

Прыпеўка:

На дварэ стаіць бяроза,
Ад бярозы ў хаце цень.
Стаіць мілы ў парозе,
А я думала, галень.

(Сялец Бярозайскага р-на)

Лягенды:

Брадзіў па свеце сляпы старац з хлопчыкам-павадыром. Гэты старац хацеў празерыць. І вось пачуў ён, што есць месца дзе б'юць з зямлі ключы жывой вады, якія лечаць ад любых хвароб. Адноўчы хлопчык прывёў старца ў бярозавую рошчу, у якой з-пад зямлі брулілася крынічка празрыстай вады. Калі старац памыў свой твар зрабіўся цуд, ён пачаў бачыць.

(Малеч Бярозайскага р-на)

Жыў-быў пан, пабудаваў дом і побач з гэтым домам людзі будавалі дамы. І ўсе фарбавалі свае хаты белым мелам. А каля вёскі быў бярозавы гай. Адноўчы пан выйшаў на вуліцу, паглядзеў вакол, на вёску «белую», на парк з бярозамі і назваў вёску Белін.

(Бездзеж Драгічынскага раёна)

Прыкметы:

Паводле народнага тлумачэння сну, «Если снится береза — беречься от ошибок»

(Чарнайчыцы Брэсцкага р-на)

«Калі восенню бярозы жаўцеюць з вярхушкі — ранняя вясна»

(Рамель Столінскага р-на)

Купалле:

Сёння Купалка купалася,

На лясцы сушылася.

Дочка бацька просылася:

Ой, бацько, батынько, дай мне волю,

Ой, дай мне волю гуляты в волю.

(Рудзьман Лідзія Іванайна, 1961 г.н.,

в. Пескі Бярозайскага раёна)

Пра Ілью:

— Везде Илью празднуют. И сейчас празднуют. Даже большевики начали праздновать. Як начал крепко наказывать — большевики поверили в Илью.

— А какие приметы, поверья есть на этот праздник?

— Илья — это был пророк. Ну шо ж тут, какие поверья? Это был пророк, великий пророк. И он пророчил... Это я где-то вычитала. В какой книжке я не знаю. Он пророчил и каждому, каждому, какой смертью помрешь. Он допустим всё, всё знал. Такой пророк был великий. А ему говорят там мужики (он обыкновенный был мужик, только пророк, ну, знал чувствовал или как... пророк) ага: — И вот ты всех знаешь. Когда и кто и как помрёт. А ты как помрешь? (на него).

А он кажа:

— А я сейчас могу умереть!

— Ну как ты сейчас умрешь? — ему вопрос задали, а он:

— А вот сейчас прямо!

И тут вихрь взорвался о такой и понёс его и, вихрь вообще был сильный такой, аж до небёс. И смотрят — гремит! Молния сияет, гремит. Крепкий гром такой. Смотрят, Илья, поехал на своей колеснице. Горящей колеснице. А потом оглянулись. «А де ж Илья? Ну так Ильи нету, всё».

— А откуда Вы это знаете?

— Ну а вот это откуда я знаю? Вычитала. Я это вычитала.

— А почему вот не косили не сгребали сено на Илью?

— На Илью — праздник великий. «Будте добры, уважайте меня!» Это Илья сказал. А не хоч... Кто не хочет, так называл. Пожары, пожарами. Гром и молнии били и пожары. И горели хаты. Боже мой! Как Хмелево горело! Якубовичи горели! А кокой ливень быў! Ой ёй ой ёй! А какое страшное было на Илью на моём веку, шо нельзя было по ровной местности идти, по пояс воды было. Не помещали реки воды — столько воды влупило. Ну это было. Ну это так раз было, больше не

помню. Ну бывает, шо
там загремит, дождь
идёт. Ну, это бывает,
а такое было, силь-
ная катастрофа,
шо горят сёла,
бьёт по хатам.
Вёз зерно, бо
уборка зерна.
Каждый ста-
рается снопы
свезти и... вот
уже колхозы даже
были... и везёт, и
ударыла молния,
и загорелась даже
повозка с зерном, со
снопами. Загорелась
от удара молнией!
Ну вобщем, во такое.
Нельзя работать на
Илью. Помолиться
надо за Илью. Я
всегда зара молю-
ся за Илью. Кажу:
«Ильюшэчка, ну
будь ты благосклон-
ны к нам, грешным. Не
наказывай нас. Потому шо,
як он захочет наказать, то уж буде
серьёзно наказывать»
(Жабінка Брэсцкай вобл. ад Раманюк
Ванды Казімірайны 1937 г.н.)

Запіс 1960 г.

Международный день родного языка

Ежегодно в библиотеках Брестского района 21 февраля проходят мероприятия, посвящённые Международному дню родного языка. Для белорусов родной язык – это, конечно же, белорусский – самый мелодичный, самый красивый и неповторимый.

В этом году сотрудниками библиотек для читателей были подготовлены дни родного языка, беседы, часы поэзии, литературные путешествия, громкие чтения, праздничные программы. Во всех сельских библиотеках Брестского района вниманию читателей были представлены тематические книжные выставки, раскрывающие красоту и мелодичность родного белорусского языка.

Библиотекари Брестской районной библиотеки для своих читателей 21 февраля провели день родного языка «Чароўны напеў беларускага слова», в рамках которого все желающие смогли принять участие в виртуальной викторине «Ці ведаеце вы рэдкія беларускія словы?», фотоакции «#ЛюблюБелару-

скуюМову», ответить на вопросы интерактивной выставки с помощью использования QR-кодов «А ці ведаеце вы..?», оставить запись в интерактивном облаке слов «Маё любімае беларускае слова», познакомиться с выставкой белорусских книг для детей и для взрослых «Жыве ў вяках беларуская мова» и просто послушать прекрасную белорусскую музыку и песни белорусских исполнителей.

Для всех желающих посетить районную библиотеку в этот день было лишь одно условие – общаться только на белорусском языке!

*Наталья ПРИХОШКО,
библиотекарь сектора
библиотечного маркетинга*

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ БЕЛАСЦЫШЧЫНЫ

Іна ШВЕД, доктар філалагічных навук, прафесар,
дырэктар Цэнтра вывучэння Беларусі ў Аньхойскім ўніверсітэце Кітая

Об архаической модели «люди — птицы» в белорусском фольклоре

*Птички то хитрые. У нас была такая птичка:
Сама большая, а клюв таки длинный.
И всё сначала прилетала к нам.
— Чего ты к нам прилетаешь, птичка?
— Чего ты к нам пришла?
— Чы на добро, чы ты на плохое, птичка жэ?
И смотрю на нее...*

(зап. в 2012 г. от С.Ф. Вирчик, д. Леплевка)

В работе показано, что человек традиционалистской культуры жил вместе (во всех смыслах этого слова – ‘в соединении, общении’) с птицами. До наших дней сохранились (в частности, в Полесье) реликты представлений о птицах как: воплощениях (форме, субстанции) душ; объектах вселения человеческих душ; переносчиках детей из мира природно-космического в мир человеческий; биологических «родителях» человеческих детей, появляющихся из яиц; существах, находящихся в теле человека в качестве его души; медиаторах между человеком и природно-космическим миром, Богом либо нечистой силой; ипостасях колдуна, ведьмы, иных демонов и др.

Введение

Что есть человек, каковы его отношения с не-человеческими формами жизни, каковы особенности исторического взаимодействия человека и природы — это проблемы и извечные и очень современные. Отвечая на эти вопросы по-своему, традиционалистские культуры, с их отличными от современных жизненными смыслами, особым пониманием природы и своего места в ней, воспроизводили себя тысячелетиями. И сегодня, когда научно-технологический

подход к проблеме взаимодействия человека и природы (точнее — господства человека над природой, которое спровоцировало обеднение биоты, разрушение экосистем, утерю ряда направлений и уровней их развития) постепенно сменяется диалогическим, возрастает интерес к глубинным основаниям бытия культуры, ориентирующим человека на сотрудничество с природой, равноправный диалог с ней. В центре внимания этносемиотики, фольклористики оказываются «субъект-субъектные» отношения человека и природы, «отприродная», в

частности *птичья* составляющая человека (орнитологическому коду мифопоэтической модели мира славян посвящены исследования Л. Виноградовой, А. Гуры, А. Плотниковой, С. Толстой и др.). Важная роль в этом плане принадлежит изучению белорусского фольклора, который сохранил сведения о том, что его творец и носитель находился в живом общении с природой, в сочувственном познавательно-действенном отношении к большинству личностно- и социально-значимых воображаемых и непосредственно воспринимаемых представителей нечеловеческих форм жизни, в том числе птицам (см. работы Е. Боганевой, Т. Володиной, С. Санько, Л. Соловей, И. Швед, в частности статьи в энциклопедическом словаре «Міфалогія беларусаў» [1]; др.). Такому сочувственному отношению не помешала (постулируемая многими исследователями) смена первоначального «невыделения человека из природы» (ср. «двуприродность» центральных персонажей архаического мифа, выступающих то в человеческой, то в животной, *птичьей* ипостасях; полесские верования о колдунах, оборачивающихся в животных и птиц) позднейшей противопоставленностью ей. (Здесь важно заметить, что в фольклоре новое не отменяет старое, в нем отражаются разные эволюционные стадии развития мировоззрения). Как справедливо отмечается в литературе вопроса, живое общение человека с животными и птицами, на которых он воздействовал, поиск компромиссов в отношениях между человеческим и нечеловеческим имели место и тогда, когда жизненно-практические потребности человека в сохранении и размножении своего вида вынудили его опредмечивать (пусть даже неосознанно) окружающих «субъектов» и взаимодействовать с ними не как с родственными душами. Но это не низвело представителей при-

родного окружения до положения мертвых вещей, перед которыми не стоит извиняться за причиняемое преобразование и/или благодарить за полезный эффект, необходимый для обеспечения человеческого существования. Согласно белорусским записям первого десятилетия XXI в., женщины, выходя из леса, благодарили его за то, что «*наградзіў, ягад сабралі, грыбоў сабралі...*»; «*А ўжо як выходзілі з лесу, то сваімі славамі благодарылі, абязцельна*» [2, ч. 2, с. 319, 324]. Как бы то ни было, человек традиционалистской культуры продолжал (и продолжает!) вести диалог с миром, воспринимать его составляющие в категориях бытия/небытия — ср. отнесенность глагола «жить» к явлениям и предметам окружающего мира, а также пространству и времени (праздник «жывэ» тогда-то). Соответственно, не утрачивает своего значения опыт приспособления «соприродного» человека к миру, а не господства над природой — подробнее см.: [3].

Такое приспособление к конкретному типу окружающей среды хотя и не исключает вмешательства в нее, оно является скорее не способом управления соответствующей экосистемой, а множественностью парных отношений между определенными людьми и не-людьми (в частности, птицами), наделенными статусом лица с теми либо иными психическими свойствами. В белорусском фольклоре до сегодняшнего дня сохранились тексты, актуализирующие архаическую модель «люди — птицы». Но несмотря на то, что эта модель выступает одним из определяющих элементов мифопоэтической картины мира белорусов и других славянских и неславянских народов, пока что отсутствовало ее специальное исследование. Целью этой работы является попытка реконструкции архаической модели «люди — птицы», как она представлена в белорусском фольклоре

(с привлечением материалов других славянских традиций). Для достижения поставленной цели историко-генетическое изучение, ориентирующееся на диахроническое и парадигматическое рассмотрение представлений о взаимосвязи людей и птиц, дополняется функционально-семантическим исследованием.

Мифологическая коммуникация «человек — птица»

В условиях диффузного взаимопроникновения человеческого и не-человеческого начал, их «взаимообратимости» и взаимозависимости, необходимости поддержания и творческого участия нечеловеческого мира в жизнедеятельности социума без ритуального обращения к не-человеческому, в том числе птичьему, не мыслились никакие более-менее важные начинания, преодоление энтропийности, ликвидация любого кризиса в мире человека, в частности путем ритуального обмена. Например, на Благовещение, 7 апреля, чтобы обеспечить благополучие в предстоящем году, пекли хлебцы (иногда в виде ноги аиста), выносили их на улицу и обращались к птице-медиуму, подателю благ: «—Бусько, бусько, на тоби галёну, // Дай мыни жыта копу» [ФЭАБ; Лесники Дрогичинского р-на]. Аист (бусько) — не-человеческий участник взаимодействия — наделен сакральным статусом, ему приписывается святость, генетическая связь с человеком и особенности последнего: у птицы человеческие пальцы, она имеет душу, молится Богу, любит и ревнует партнера и т.д. Такие представления на Брестчине живы и по сей день: «Был случай в Спорово, тоже сделали буслы гнездо на сарае, а дед думает: возьму я в это гнездо положу гусиное яйцо, да пусть он выведет мне. Он положил, когда никого не было, потом прилетели. И что-то бусел с

этой буслихой начали драться. Оказывался, он начал её ревновать. Чего? Потому что они несут по 3–4 яйца, и яйца гусиные ж отличаются от аистовых. И, короче, он начал ревновать, что она нагуляла это яйцо, и он её дзёбал, дзёбал. И она, бедная, поднялась высоко и упала сразу и разбилась. И то тоже было этому деду, что яйцо положил!» [ФЭАБ; Спорово Березовского р-на]. Согласно многочисленным фольклорным свидетельствам, в том числе современным, «добрым» либо «злым» (обычно мстящим) птичьего партнера делают качества самого человека, проявленные в его поведении как отправителя текста (в семиотическом значении). См. показательные в этом плане запреты и их мотивировки: «Ны можно ласточкины гнёзда разбураты, кажуть, шо ласточки улытятъ і дожді унысуть. І нэ будэ урожаю» [ФЭАБ; Радовня Ивановского р-на]; «Аістам нельга врэдіть, таму што яны могуць прынесці якую-небудзь палку ці ўгалёк і могуць спаліць дом» [ФЭАБ; Большая Турна Каменецкого р-на]; «Кулы бусён зробыць гныздо на хаты, то будэ дустаток у сям'і. Разбураты гныздо бусня — вылыкі гріх, бо то возьмэ опасно. Гавораць, шо у адный нозе ў бусня огонь, а в другуй — вуда. В удплату за рузбуранэ гныздо можэ прынэсты гулуवेशку на стрэху і подпалыты хату. А шчэ гіршыі гріх — забыты бусня. То тое ж самэ, шо забыты чулувіка, бо він сам пуходыць уд чулувіка» [ФЭАБ; Кустын Брестского р-на].

Согласно фольклорным материалам, представители птичьего мира могли непосредственно воздействовать на жизнь людей. Действенной (созидательной, оплодотворяющей, или разрушительной) магической силой наделялись звуки птиц: по украинскому поверью, сойка своим криком выкликает, выманивает душу тяжело больного человека, по польскому — кулик, бродя по берегам рек, скликает утопленников [4, с. 96–97]. По

сообщениям из Глубоцкого р-на, «сава, як кугакаець, яшчэ баба не бярэменная, усё роўна накугакаець»; «тады ўжо гэта птушка дзюбкай б'ецца [у вакно], відаць, скоро забярэць яго [хворага чалавека] гэта птушка» [2, ч. 2, с. 327]. Часто птицы транслируют в человеческий мир важную информацию, предвещают определенные события, сигнализируют о необходимости начала различных действий, как правило, полевых работ, что требует от человека соответствующей корректировки своего поведения (и/или поведения птиц). Так, с пением прилетевшего жаворонка начинают пахоту, первый крик удода весной означает, что пора сеять бобы, крик перепелки возвещает начало жатвы [4, с. 96] (появление/исчезновение голосов некоторых птиц можно считать универсальным маркером границ календарного цикла, средством измерения времени и структуризации хозяйственного календаря). Вслед за интерпретацией посланий птицы-медиума обычно следовала определенная реакция человека, который, как считалось, своим ответным актом может в корне изменить ситуацию в свою пользу. Так, в Полесье верят, что стук воробья в окно предвещает горе (которое, видимо, из потустороннего «заморского» мира приносит негативно аксиологизированная птица-медиум). Услышавшему стук предписывалось обратиться к персонифицированному горю и его «переносчику» — воробью с посылом в виде нейтрализующей формулы: «Горэ, нашэ горэ! Іды за сынэ морэ! Гарабей-пташка, як бы тобі ны было цяжко, нэсы нашэ горэ за сынэ морэ, за білы хвалі, далэкія далі» [ФЭАБ; Борки Пинского р-на]. В этом и многих других контекстах имплицитно содержится представление о том, что птицы могут выполнять пожелания людей, испрашивая при этом помощи как у Бога, так и у нечистой силы. Например, рассказывая о праздновании Благовещения, инфор-

матор объясняет, зачем птиц выпускали на волю: «Ційі птахі просяць шчыстыя, удачі в Бога тому, хто іх выпусьтив» [ФЭАБ; Ковердяки Брестского р-на]. По заговору «на приручение парня», птица выступает медиатором между человеком и нечистой силой: «...Попрошу я белого кречета: слетал бы он в чистое поле, в синее море, в крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота и попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она ему помощи...» [ФЭАБ; Дягелец Березовского р-на].

Интересно, что в определенных коммуникативных ситуациях люди и птицы могли объединяться и вместе противопоставляться имплицитно присутствующему и наделенному полномочиями кары либо поощрения субъекту действия — сакральному адресату. В этом плане любопытны известная календарная паремия, относящаяся к Благовещенью: «Птыца гнязда не в'е, дывіца касы не пляце» [ФЭАБ; Славное Кобринского р-на], поверье, что в Страстную пятницу вместе с людьми скорбит вся природа и затихают птицы. Как поведение человека, так и представителей птичьего мира интерпретировалось с точки зрения нормативности/ненормативности, нарушение кодекса звукового поведения любым из них вносило дисбаланс в природную и общественную сферы. В славянском мире широко известны представления о птицах (кукушке, соловье), запевших раньше времени («на голый лес»), как предзнаменовании голодного, неурожайного года, падежа скота (соответствующие материалы повсеместно фиксируются в Беларуси по сей день). Также бытуют запреты (в частности, на Могилевщине) начинать пение людям (особенно вблизи полей), пока «лес не оденется»; в Полесье запрещалось петь до Благовещения, иначе «корень не оживае» [ПА]. Исследователями фольклора неединожды указывалось, что энергия голоса людей и животных,

птиц имеет тождественное значение в плане воздействия на вегетацию культурных растений, плодovitость домашних животных, а значит ее распространение должно быть регламентировано.

Важную роль при построении коммуникативной ситуации играет следование человека выработанным традицией правилам отбора и интерпретации значимых звуков, а также нормам поведения в рамках контакта с этими звуками. К «сбоям» в «нормальной» коммуникации неприменно приводит неверно дешифрованный звуковой код. Так, во многих традициях «пение курицы петухом» трактуется как предвестие беды, но иногда человек неверно расценивает конкретные сообщения не-человеческого партнера, в чем птица (уже не на своем, а на человеческом языке) упрекает человека во сне: «Еслі курыца запяець, дрэнна. Кажуць, тады нада галаву ёй адсякаць, каб не на бяду. Курыца сматра як, і на бяду, і на вяселе пяець. Мужык вёз жыта першы воз. Ну і вароты былі закрытыя, так ён каня аставіў, адкрываць вароты, а курыца “гоп” на вароты і запяяла. Ён як даў гэтай курыцы! І ўбіў курыцу гэту. Тады яму ноччу сасніўся сон: “Ты ж загубіў маіх дзетак”. А яна сядзела і выседзела цыплят, як мы эта за-вем — бахуры. І яна ўжо з радасці [запяяла], што ён вязець і будзе чым цыплят карміць. А ён забіў. А тады знайшлі ў хляве цыплят, выйшаўшы ўжо» [ФЭАБ; Зеленки Мядельскаго р-на].

Происхождение птиц от людей

О нерелевантности для мифологического сознания резкого разделения и противопоставления сфер человеческого и птичьего свидетельствуют многие антропогонические и арнитогонические легенды. Согласно довольно многочисленным записям, в том числе совре-

менным, такие птицы, как кукушка, аист и др., произошли от людей. Этим, кстати, часто мотивируется запрет убивать птиц, разрушать их гнезда: «— А буськів, знайш, іх нільзя забываты, бо гэто ж чалавек. Він став буськом, бо колысь, ек много всякіх гадыв было на зымлі, Бог собрав іх у горшэчок і прыніс, отдав чалавіковы, щоб заніс іх і кынув в болото. Сказав, щоб ны открывав, бо накажэ ёго. Чалавек послушав, лёг спаты, а ў ёго була жінка, і вэльмэ ж любопытна. Вона подпільновала ек він заснуў і рышыла заглянуты, одкрыла, а воны ек попруць оттуда, вона ек закрываць... Мужык вскочыв, а божэ ж мій, давай іх собываты, а воны расповзаюця. Бог побачыв і кажэ: “— Я ж тобі казав ны открываты. А за тое, шо ны послушав, ты і твоя жінкабудытэіх собываты, пока усі ны позываэтэ”. Так і пырыкынув іх у бусыв. А шо чалавек був у білому споднёму і чорныі світы, шо накынув, так і зробывся: грудына біла, а спына чорна» [ФЭАБ; Трилиски Ивановского р-на]. Подчеркнем, что метаморфоза человека в птицу обычно является формой его наказания за грех, невыполнение определенных правил и предписаний.

Птица как податель детей, предсказатель их появления

На довольно репрезентативном фольклорном материале реконструируются представления о птице-медиаторе — подателе человеческих детей, трактуемых как дар природы. Для этих целей трудно найти более показательные данные, чем известные и по сей день в Беларуси и других странах Европы в качестве шуточных формулы типа «детей приносит аист». Они призваны объяснить детям факт их появления на свет («А как у вас объясняли детям, откуда они взялись? — Ну бусынь прыніс, у комын кынуў, кажуть, такий

замазаный був, помылы ёго — і став чыстынькый» [ФЭАБ; Еремичи Кобринского р-на]). Модель «подателями детей выступают птицы» в различных вариантах, по точным наблюдениям Л. Виноградовой, широко представлена в полесской традиционной культуре [5]. Характерно, что многочисленные тексты не ограничиваются констатацией того, что птицы — представители природно-космического мира — просто приносят младенцев людям. Минимальные формулы «аист (ворона, журавль, ястреб и др.) принес» нередко сопровождаются уточнениями, что ребенок был извлечен птицей из воды, листьев, травы (ср.: «*Буська з кубла выкынуў*») и покинут (обронен) в природном (как освоенном, так и не освоенном человеком) пространстве — «*Бусел нясець ў клюви. Сел на болото и упустиў яго ў воду — я забрала*» [5, с. 182]. Согласно кашубским записям, аист вытаскивает новорожденных младенцев из болота, моря («первосубстанций»), он же бросает в дом лягушек (хтонических существ, имеющих мифопоэтическую связь с душами умерших людей и с маткой, которая может также считаться местом зарождения и проживания земноводных). Лягушки, пролетая в дымоходе, превращаются в грудных детей [5, с. 174] — ср. кашубские фразеологизмы, относящиеся к периоду до рождения ребенка, когда он «еще с лягушками играл» или его «аист на хвосте носил». В связи с рассматриваемым аспектом семиотизации птиц интересны песни белорусов и украинцев, по которым рожденного на природе ребенка мать (часто жнея) оставляет на попечение птицам — своеобразным заместителям родителей, нянек.

Кроме того, что птица является подателем, «средством доставки» и «нянькой» ребенка (как законнорожденного, так и бастарда), она предвещает его появление в человеческом мире. Так,

упомянутое выше кугукание совы на Полесье считается «предупредительным сигналом» того, что родится внебрачный ребенок, также как и крик кукушки (имеющей, по народным представлениям, безбрачный статус) около дома интерпретируется как известие о скором появлении в нем «байструка»: «*Як кукушка кукуе... прыйдэ до мэнэ на дэрэво, сядэ тут на мое, знай, шо дивка байструка зробіть, як шо е дивка в хати. Як вжэ дэ в лисэ, нэдалёко кукуе, то гэто еи пытають, а як куе... на дэрэво сядэ свое — знай, шо як дочка е, то будэ з байструком!*» [ФЭАБ; Спорово Березовского р-на]. Кстати, эта порвавшая связь с детьми птица приносит «человеческим» родителям печальную весть о том, что их повзрослевшие дети порвут с ними связь: «*Кого кукушка, пролетая, обгадит, тот брошенный детьми будет*» [г. Береза].

Неизбыточность «чужого в своем», или птичья компонента человека

Искомой ценностью родильных ритуалов, как известно, является человеческий, т.е. социализированный ребенок. После рождения детей — пришельцев из природно-космического мира — посредством целого комплекса ритуалов старались возвести границу между природно-космическим, не-человеческим, и человеческим, по возможности избавить всех новорожденных от «отприродных», в том числе *птичьих* признаков (которые часто трактовались как детские болезни) и наделить признаками культурными, т.е. природных детей переделать (доделать) в человеческие. Социализация ребенка — дара природы — включала, среди прочего, возвращение его «отприродных» характеристик природным же существам, в наследство от которых он их получил, в частности ненормированный крик отдавался курам (= домовым духам,

связанным с ночницами, появляющимися вместе с рождением ребенка). Соответственно, ритуальная терапия базировалась на идее символического раздела и обмена, перераспределения общей доли между человеком и не-человеческим, в том числе *птичьим*, партнером по коммуникации нового утверждения сфер влияния — подробнее об этом см.: [6, с. 294]. Отметим, что в наличии значительной аномальной «отприродной» компоненты у ребенка нередко винили его мать, которая, нарушив традиционные нормы, предписания и запреты, отправляла (пусть даже непроизвольно, т.е. это не был посыл) неприемлемую для партнера *птичьей природы* информацию. Появление волосков, пятен (знаков) на теле ребенка часто понималось как результат несоблюдения беременной норм контактирования с домашними птицами, в частности курицей (ср. белорусское наименование детской болезни — *крылішчы*). Характерно, что куры — медиумы между мирами — фигурируют в лечебных ритуалах, направленных на удаление болезни в не-человеческий мир, возвращение ее *птичьим* хозяевам.

Тем не менее, для комплекса родильной (как, кстати, и похоронной) обрядности и многих жанров фольклорареконструируются представления о не-избытности в человеке *птичьей* (шире — «отприродной», иномирной) компоненты. Да и как же от нее избавиться, если птица и есть средоточие жизненной силы человека, его душа? В этом плане характерны представления, что ребенок в материнском чреве опасен для беременной, поскольку он забирает орнитоморфную душу матери. По поверьям жителей польской Силезии, роженица во время родов лишается души, т.е. ее душу забирает ребенок. С целью компенсации недостачи предписывается сварить курицу или голубя и дать съесть роженице [7, с. 68].

Птичье (шире — «отприродное», зоо-демоническое, «чужое») мыслится в человеческом, «своем», точно так же как и человеческое в *птичьем* (см. о человеке, превращенном в птицу; мстящих, ревнующих аистах и др.). Соответственно, даже «правильное» включение ребенка в этот мир, его перерождение и доделывание посредством комплекса ритуальных действий не исключают возможности актуализации/возвращения его «отприродных» данных. Причем это возвращение характерно не только периоду раннего детства (детские болезни), но и зрелости (хотя она наиболее близка понятию нормы). Другими словами, «отприродные», в данном случае *птичьи*, признаки возвращаются в ситуациях демонизации, «одичания» (например, в результате проклятия) взрослого человека. *Птичьи* (шире — зооморфные) признаки, «проступающие по краям» человеческой личности, обычно отличают человека от не-человеческого существа (ср. *птичьи* лапы, хвост как показатели демонической сущности). Птицы, животные, бесы могут находиться и внутри человека, имеющего отклонения от нормы. Они выдают свое присутствие, среди прочего, не-человеческим — *птичьим* — голосом. Так, согласно севернорусским свидетельствам, икота (кликунство) проявляется в том, что больной человек поет петухом. Возвращение человека в гармонизированное состояние, избавление его от порчи, воздействия демонических сил мыслится как извлечение из него перечисленных существ. Но всегда ли это так?

Птица-душа

Согласно ряду народных представлений, птица (реже — животное), находящаяся в теле человека, — это не что иное, как его душа. Естественно, что без такой птицы тело человека становится

безжизненным. Выше уже упоминались польские представления о птице-душе, которую ребенок забирает у матери при рождении. Душа имеет *птичью* природу и в полесской быличке об упыре, ходившем ночью по домам и убивавшем спящих людей. Упырь засовывал в горло спящему руку по самый локоть и начинал колотить, добывая душу, и только на третий раз сумел душу «добыть» — «*такую птичку, пташечку такую билью, такую блискую пташечку. А то душа була ёго*» [7, с. 71]. В виде желтой птицы могла представляться и душа черта, например в сюжете о преследовании его Богом: Бог посылает молнию в желтого воробья — «*это чортова душа сидзиць*» [8, с. 51].

Из всех зооморфных образов и с рождением человека, и с моментом его смерти, и посмертного посещения живых чаще связаны именно птицы (о преобладании птиц и насекомых говорит и самый частый «предикат», соотносимый с душами, расставшимися с телом, — они, как правило, летают) [7, с. 76–77]. В самых различных фольклорно-мифологических традициях исследователями зафиксированы представления о *птичем* облике духов умерших во время перехода между сферами мироздания и при появлении в человеческом мире, о вселении души умершего в птицу. Жительница д. Леплевка, похоронившая мужа, рассказывает о его душе-птице: «*...после смерти прилетала, перед годовщиной. Она прямо в окно полетит, она не стучит. Она заглядывала в окно, птичка. Хвост длинный, красивый, клюв на сантиметров пять. Мы сами так с детьми решили, что это, может, наш папа, потому что месяц и даже больше она к нам в окно заглядывает и всё прилетает*» [ФЭАБ; Леплевка Брестского р-на]. Посмертный облик, воплощение/вселение души часто зависят от праведности/греховности ее обладателя, при этом обычно

«предпочтительно» *птичье* существование души. Согласно полесским верованиям, «*птичкой може сделаться душа только у праведного, у гришного нет*» [ПА; Бостынь Лунинецкого р-на]; «*если Бог полюбил, то посылает его душу у хорошую птицу, лошадь, корову, а як Бог не полюбил — его ў собаку, у вредную корову*» (там же) [7, с. 72]. Злые души, души умерших некрещеных детей летают в виде ночных птиц, а также показываются в виде черных ворон («чистые» же души появляются как белые птицы).

В некоторых нарративах в образе птицы (или мыши) может совмещаться или смешиваться представление о душе и о смерти (душа-смерть), об этом свидетельствует появление птицы (или мыши) при умирающем до того, как наступила смерть, т. е. до выхода души из тела [7, с. 77]. В связи со сказанным интересны народные объяснения снов с образами птиц как предвестников смерти, а также совмещение представлений о крике птицы и вое собаки как знамениях смерти: «*Калі чулувік балеет, і ноччу на яго забор сядыць птіца і будыць выты, як субака, тугды хучэй за всё чулувік пумрэ. Это-то правда, я на субі іспытала*» [ФЭАБ; Колодно Каменецкого р-на].

Встречаются верования, по которым душа может принимать предметный образ, так либо иначе связанный с орнитоморфным кодом культуры, например показываться в виде яйца. Предположительно, образ «души-яйца» коррелирует с представлениями о появлении людей из яиц. В связи со сказанным интересны легенды из Галиции о людях из яиц, которые после смерти обречены нести Ева [8, с. 247], сказки о высиживании бабой или курицей сыновей из птичих яиц и белорусские народные объяснения снов, согласно которым увиденное во сне яйцо предвещает женщине рождение дочери [ФЭАБ; Стайки Ивацевичского

р-на]. По мере десакрализации текстов с мотивами зачатия и рождения людей «предметные» образы переходили в детский фольклор и припевки типа: «Я не папина, я не мамина. // Я на улочке расла, // Меня курочька снесла» [ФЭАБ; Малеч Березовского р-на].

Заключение

В традиционной картине мира белорусов глубоко укоренились представления о своеобразном диффузном взаимопроникновении, «взаимообратимости» человеческих и птичьих форм жизни. Отношения между человеком и его птичьим партнером по коммуникации носили характер взаимозаинтересованности, эквивалентности, договоренности. Птицы оказались включены в духовные переживания и жизненные ценности, вековечный дискурс о природе человека (которая ни традиционным, ни современным сознанием не воспринимается как надвременная онтологическая константа). По разнотипным жанровым данным фольклора, до наших дней в живом бытовании (в частности, в Полесье) дожили реликты мифологических представлений о птицах как воплощениях (форме, субстанции) душ, которые могут находиться как в этом, так и потустороннем мире, а также в теле человека; как объектах вселения человеческих душ; переносчиках младенцев из мира природно-космического в мир человеческий (или из потусторонней сферы в мир окружающей природы) и даже как биологических «родителях» (т.е. снесенных яйца) и «няньках» человеческих детей. Сохранились также представления, что птица живет в человеке, иногда проступая из-под его личины. Вместе с тем человеческое, личностное, имеющее внутреннюю способность вступать в отношения, не чуждо птичьей форме жизни, с которой на эколого-эмпатиче-

ских, не-антропоцентрических началах представители традиционалистских культур считали необходимым вести живой диалог с целью преодоления энтропийности, разрешения широкого круга кризисных ситуаций. Причем птичьего партнера «добрым» (поддерживающим жизнедеятельность социума) либо «злым» (отвечающим неприемлемым для человека способом на его коммуникационную ошибку) часто делают качества самого человека, проявленные в его поведении как адресанта. А это придает первостепенную значимость нравственному контролю.

Сокращения

ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва)

ФЭАБ — Фольклорно-этнографический архив учебной фольклорно-краеведческой лаборатории БрГУ им. А.С. Пушкина.

Список литературы

1. Мифалогія беларусаў: энцыклапед. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. — Мінск: Беларусь, 2011. — 607 с.
2. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / склад. А.У.Лобач, У.С. Філіпенка. — Наваполацк: ПДУ, 2011. — 2 ч.
3. Пузыревский, В.Ю. Проблема палеопсихологических основ мифологического мышления / В.Ю.Пузыревский// Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. — СПб., 2001. — С. 300 [Электронный ресурс] — Режим доступа : <http://filos-fak.ru/biblio>. — Дата доступа : 27.02.2013.
4. Гура, А.В. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях / А.В. Гура// Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого / РАН, Ин-т славяноведения ; ред. кол.: Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. — М.: Индрик, 1998. — С. 95-102.
5. Виноградова, Л.Н. Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей / Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья/ РАН, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Н.И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — С. 173-187.
6. Валодзіна, Т. Цела чалавека : слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. — Мінск : Тэхналогія, 2009. — 431 с.
7. Толстая, С.М. Славянские мифологические представления о душе / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / РАН, Ин-т славяноведения ; ред. кол.: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая (отв. ред.). — М.: Индрик, 2000. — С. 52-95.
8. «Народная библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой; отв. ред. В.Я. Петрухин. — М.: Индрик, 2004. — 576 с.

Калядны батлейкавы спектакль

Адно з самых цёплых і душэўных свят у нашай краіне — свята Нараджэнне Хрыстова. Людзі ў гэты дзень радуецца нараджэнню Збавіцеля. У нашым краю надаецца гэтаму святу асаблівая увага. Так ў актавай зале Цэнтра дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі г.Брэста праводзяць гарадскі фестываль-конкурс «Батлейка».

У гэтым годзе ён адбыўся дваццатага студзеня. У фестывалі прыняў удзел гурток «Светлыя зорачкі». Яны прывезлі на фестываль спектакль «Нараджэнне Хрыста». Кіраўнік гуртка Вольга Сандрыкава разам з дзецьмі паведаміла з чаго, менавіта яны пачыналі работу.

Як аказалася, праца пачыналася з вялікага жадання паказаць бацькам і сябрам батлеечны спектакль. Батлейка пачынаецца са скрыні! Трэба зрабіць скрыню, падобную да той, з якой вандравалі батлейшчыкі і цешылі народ. Пасля для батлейкі трэба стварыць лялькі. І каб вызначыць, якія лялькі ствараць, была абрана п'еса.

Ў нашым спектаклі дзейнымі героямі з'яўляюцца Карчмар, Язэп, Марыя, Вол, Асёл, пастушок, цар Ірад і Анёл.

Перад працай мы абмеркавалі характары персанажаў. Пры выбары паміж плоскімі, паўплоскімі і аб'ёмнымі мадэлямі лялек мы вырашылі зрабіць іх традыцыйнымі для батлейкавага тэатра аб'ёмнымі з тканіны, воўны, ільну. Усе лялькі замацаваныя на шпяхах. Шпень, на які замацавана лялька, дадаткова доўгі. Гэта патрэбна для зручнага кіравання лялькай. Такім чынам, у нас з'явілася самаробная цацачная канструкцыя, стваральнікамі якой, з'явіліся мы самі.

Другі этап уключаў абмеркаванне характараў дзейных герояў п'есы і размер-

каванне роляў у адпаведнасці з характарамі ўдзельнікаў-артыстаў. Карчмара агучыў Касянчук Мікалай. Роля Язэпа дасталася Уманцу Ягору. Марыю паказала Касянчук Юля. Вала агучыў Пархімук Радзівон, Асла сыграла Смаль Настасся. Пастушкоў — Ярацэвіч Ганна. Самая адказная роля анёла дасталася Панасюк Дыяне. Маленькіх анёлчыкаў сыгралі Хведчэня Марыя, Занько Марыя. Але самым таленавітым аказаўся уманец Ягор. Ён агучыў ролю цара Ірада.

Поспех будучага спектакль залежыць ад таго, як добра акцёр асвоіць ляльку. Лялька не павінна рабіць шмат рухаў. Таму мы спачатку кіравалі лялькай перад сябрамі. Прамаўляючы тэкст за ляльку, адпрацоўвалі яе рухі і запаміналі іх, каб лялькі паміж сабой не біліся і не наскоквалі адна на другую. Колькасць лялечнікаў у нашым спектаклі адпавядае колькасці дзейных герояў. Пасля ўсе артысты-лялечнікі «вучацца існаваць» за шырмай разам. На практыцы прыходзіць разумкне, што ад увагі і адказнасці кожнага выканаўца залежыць поспех спектакля. Потым была апошняя рэпетыцыя перад прэм'ерай. Далей прэм'ера і здымка відэароліка.

Са святочным настроем мы паехалі на фестываль і прапанавалі нашай публіцы беларускі батлеечны спектакль «Нараджэнне Хрыста»!

Калядны батлейкавы спектакль

Дзеючыя асобы:

**карчмар, Язэп, Марыя, вол, асёл, 1-ы пастух,
2-і пастух, цар Ірад, слугі Ірада, анёл.**

СЦЭНА 1

Дзечнне адбываецца ў карчме.

Карчмар:

Ух! Колькі прыбытку прынёс гэты дзень!
Манетамі туга набіты кашель!
А колькі ж гасцей на начлег засталася!
І толькі дастойным тут месца знайшлося!
Былі все пакоі заняты ўраз.
Дый мне адпачыць надыйшоў ужо час!
(у гэты час нехта стукае ў дзверы)
Ды хто там яшчэ?! Ці не бычыш, ужо ноч!
Я сплю. Не марудзь, а ідзі сабе прэч!
(стукае далей)
Але ж і дакучлівы гэты жабрак!
Вось кій свой вазьму, і ўцячэш толькі так!

Язэп:

Спадару! Будзь ласкаў нас с жонкай пусціць,
Бо хутка павінна яна нарадзіць.
Паслухай, спыні, калі ласка, свой гнеў...

Карчмар:

Чакай! У мяне ж не заняты ёсць хлеб.
Відаць, што жабрацкі ягоны кашель,
А ўсё ж такі грош зберагае рубель.
Хоць штосці заплацяць яны за начлег.
Ну, згодна, аднак добры я чалавек!
Пакоі заняты, грошы плаці!
І з жонкай сваёй можаш у стайню ісці.
Ды толькі уважлівым будзь, раз прыйшоў.
Усё ж у мяне там і вол, і асёл.

Язэп:

Дзякуй спадару! Марыя, хадзем!
Сам Бог скіраваў сёння нас у Бэтлеем.

Карчмар:

Гм! Вось дзіўныя!
Ці ёсць хто бяднейшы за іх на зямлі?
А ў хлеб мой ідуць. Як у палац каралі.
Ды нават яшчэ і удзячныя мне!
За што? Дзіўна гэта ўсё для мяне!

СЦЭНА 2

Вол:

Цуд здарыўся нейкі у стайні ў нас:

На вуліцы цёмна і поўнач якраз,
Далёка яшчэ да наступнага дня,
А ў стайні так ясна! Зусім без агня! М-м!

Асёл: Згадай, што казаў я ўчора табе:
Як наш гаспадар адубасіў мяне.
Нясцерпна ўвесь час мне балела спіна,
А сёння — вось цуд! Заціхае яна!

Вол: Марыя ў стайні Дзіця нарадзіла!
Таму так цудоўна ўсё гэта і дзіўна!

Асёл: Глядзі! Замярзае зусім Немаўлятка!

Вол: Мы подыхам нашым сагрэем дзіцятка.

СЦЭНА 3

Марыя: Здаецца, Язэп, там хтосці ідзе.

Язэп: Стаяць пастухі ля варот у грамадзе!

1-й пастух: Дзе ж навароджаны збаўца людзей?
Мы пасвілі статак начною парой,
З'явіўся Анёл раптам з весткай такой:
Мессія і Збаўца плямён нарадзіўся!
Кароль Ізраэля, наш Пан аб'явіўся!
Ад радасці кожны з нас аслупянеў.
І вось паспяшаліся мы ў Бэтлеем,
Дзе Вас мы сустрэлі ў гэтым хляве.
Прыміце ж хвалу, што з сэрдца плыве.

2-й пастух: Найлепшаму сыну ў дар разам з песняй
Ягнятка малое з сабой мы прынеслі.
Няхай узрастаюць яны па крысе.
Нам ціхі Мессія спакой прынясе.
Няхай ўсё ліхое наш Пан пераможа!

Марыя: Дзякуй, сябры! Блаславі ўсіх вас Божа!

СЦЭНА 4

Марыя: Ноч спусцілась над зямлёю.
Спіць пакрыты цемнатаю
Горад далёкі ён у сне глыбокім.
Засынай і ты, мой сыноч!
Маці дзетку спелянала.
— спі, дзіцятка любое, баюшкі-баю!
Песню для цябе спяю.

СЦЭНА 5

палац Ірада

Ірад:

Кароль нарадзіўся! Бяда і праклён!
Бач! Новы Кароль нарадзіўся ўзяў!
Ён уладу ў мяне адабраць пажадаў!
Але ж валадарыць магу толькі я!
Гэй, слугі мае! Дзе варта мая?!
У гэту ж хвіліну адправіцца усім
Шукаць ў Бэтлееме малога Месію!
Праверыць дамы ўсе да аднаго!
Знайсці! Адшукаць яго! Знішчыць яго!
Калі ж яшчэ заўтра Ён будзе жывы,
Вы ўсе застанецеся без галавы!

СЦЭНА 6

Анёл:

Яэпе! Марыя! Прыйшоў час бяды!
Ужо царскія слугі імкнуцца сюды!
Бярыце Дзіцятка, уцякайце хутчэй!
Задумаў вялікае зло ліхадзей:
Ён Езуса вырашыў сёння забіць!
У далінах Егіпта вы будзеце жыць.
Па смерці ж тырана вы зможаце зноў
Вярнуцца назад у свой пакінуты дом.

СЦЭНА 7

Я верыць нікому ўжо не магу!
Усёды я ворага бачу нагу!
На вуліцы вораг! Вось ён за вуглом!
Вось тут ён. Пад ложкам! А вось пад сталом!
Але моц і пільнасць я ўсё ж такі маю!
Я ўсіх іх схалплю і ўсіх пакараю!

Анёл:

Спыніся, злачынца! Раскайся хутчэй,
За тое, што знішчыў ты столькі людзей!
Што нават Месію хацеў ты забіць
І Бога сабой на зямлі падмяніць!

Ірад:

Знікні!

Анёл:

Вось змрок саступіў і знішчана зло!
Хрыстос нарадзіўся! Святло ўзышло!
Сябры! Час надыходзіць развітання.
На гэтым скончым мы апавяданне
Аб нараджэнні Езуса Хрыста!

*Марэрыял падрыхтавала да друку Вольга САНДРЫКАВА,
кіраўнік дзіцячага гуртка «Светлыя зорчкі»*

МАЛАДОЎ ДРЭВА

Соф'я ДЯДЮК

Родилась 26 декабря 2003 года в агрогородке Чернавчицы Брестского района. Училась в ГУО «Средняя школа д. Чернавчицы». С начальной школы начала заниматься музыкальным творчеством и написанием небольших рассказов, стихотворений и песен.

В средней школе вступила в местный школьный литературный кружок и продолжила заниматься небольшими рассказами и стихотворениями. Участвовала в конкурсной работе, посвящённой Родине, и ранее печаталась.

На данный момент является студенткой третьего курса Витебской ордена «Знак Почёта» государственной академии ветеринарных наук.

Кленовый мотылёк

Розовые крылышки,
Банановые пятна,
Летит легко и радостно
Кленовый мотылёк.
В листе деревьев ветер,
В траве росточки мяты,
И дышится так сладостно,
И слышен ручеёк.
Янтарный блеск рассветов,
Пушки душистой ваты,
Природой все придумано,
И даже мотылёк.
Крохотное тельце,
Порханья витиеватые,
Летит вперёд и радуется
Кроха-мотылёк.
И если звёзды вспыхнут,
И месяц вспыхнет мягко,
И в лунных пятнах спрячется
Кленовый мотылёк.
И завтра утром бережно
В просторы необъятные
Вспорхнёт и вновь закружится
Кленовый мотылёк.

Письмо тебе

Крылья расправив, летела сквозь шторм,
Но смеялась так звонко, счастливо...
Ты рыдала, согнувшись, размышляла: «За что?
Для чего все страдания были?»

Не для того ль, что б проснувшись опять по утру,
Ты с предвкушением делала вдох и мечтала?
Мечтала про лето, тепло, про уют
И, держа сигарету в руках, рисовала.

Рисовала в душе ты священные тайны,
Лабиринты эмоций, сказаний и чувств.
Ты дарила мне чутко дрожащее счастье,
До сих пор не забуду я шёлк твоих рук...

Ты звала меня ангелом, что, спустившись с небес,
Даровал тебе хрупкое освобожденье,
Что укрыл тебя золотым полотном,
Что отдал тебе часть своих маховых перьев.

Чтобы ты могла улететь навсегда,
Туда, далеко, где дыхание легче.
Где не наполнены ртутью чужие слова,
Где нет холодов и падений, увечий.

Но не я оказалась созданием Бога,
Готовым вдруг руку в погибели дать...
Это ты мое вечное благословение,
Ты мой спаситель, милая мать.

Любовью своей ты держала меня,
И я робко и нежно любила в ответ.
Ты скучала по мне в этом мраке теней
И не знала, что мне в этой тьме ты просвет.

Твое имя - молитва, что я пропевала,
В дни горя я мыслила лишь о тебе...
Не боясь совершенно, что я то проклятье,
Которым страдаешь ты и по сей день...

Я лишь хочу, чтобы ты осознала:
Во мне нет святого, святое — в тебе.
Ты моей жизненной книги начало,
Ты птичья трель у окна по весне...

Даша ШУЛЬЖИК

Мама

Мама — самое нежное слово,
Мама — самое доброе слово.
Мама поймет и поддержит во всем.
Мама — это первый учитель.
Мама — я твой ангел-хранитель.
Мама — этот человек,
Без которого не прожить в мире и дня,
У каждого есть мама своя!
Мама полечит, мама научит,
Мама любовью своей защитит,
Надежду и веру в душу вселит,
Мама, прекрасное слово, простое,
А сколько любви в нем
И все хранится в сердце моем.

Мои фантазии

Привет! Меня зовут Соня. Мне 10 лет. Я живу с мамой, папой, бабушкой и дедушкой. Есть и главный проказник в нашей семье. Это мой младший брат Лион. Ему четыре года.

Не удивляйтесь, такое имя существует. Это французское имя. Вы спросите, причем здесь Франция? Наши родители, Ангелина Вадимовна и Кирилл Александрович, — интеллигентные люди, поэтому к именам детей подошли очень ответственно. Как мама сказала, мне имя выбирали она и бабушки, а брату — папа и дедушки. Меня назвали в честь маминой первой учительницы, Софии Марковны. Мама сказала, что она чудесной души человек. И не только прекрасно преподавала, но и всегда находила подход к каждому ребенку. Ну, а про имя брата отдельная история.

Мама была беременна, когда я была еще мелкой девчонкой и не всегда понимала, что происходит. Не знала, по-

чему папа все время волнуется. Почему бабушка ни на шаг не отходит от мамы. И много еще чего.

В день, когда маму повезли в роддом, все были не на своем месте. Папа метался туда-сюда, бабушка каждые пять минут куда-то звонила и все время спрашивала:

— Ну что, родила?

А из трубки доносился тихий мамин голос:

— Мамочка, успокойся! Еще нет.

И хоть я много чего не понимала, кое-что я знала точно: у меня будет брат. Об этом мне сказал по секрету папа. Что такое брат и как с ним жить, я представляла пока смутно, но по рассказам подружки уже знала, что брат — это не сахар, который я, кстати, очень люблю. Я, честно говоря, была не в восторге от того, что теперь в нашем доме будет кому-то внимания доставаться больше, чем мне. Но что уже поделать, придется смириться.

И вот день «х» настал. Папа прилетел с работы и крикнул нам с бабушкой:

Одеваться! Едем в роддом! У меня родился сын, а у вас — внук и брат!

— Ох, родила! — запричитала бабушка и побежала на второй этаж.

Я тоже поплелась наверх.

После коротких сборов и бабушкиных вздохов и ахов мы торопились к машине. На улице светило пронзительно яркое солнце, и настроение мое немного улучшилось. По дороге в роддом бабушка то и дело перебирала имена.

— Эх, назовем малыша Светозаром. А что, имя православное...

— Вера Петровна, ну каким Светозаром? И вообще, имя придумываем я, Вадим Михайлович и мой отец. Так что попрошу не вмешиваться. Если будут проблемы, то вот Соньку попросим! — кивнул папа в мою сторону.

Так мы и доехали в шумных выборах имени.

— Приехали, — вздохнул папа. Было видно, что он очень волнуется. На его лице расплылась широкая улыбка, которая говорила сама за себя. Конечно, папа был очень рад появлению второго ребенка. Тем более мальчика. Бабушка тоже светилась от счастья. Ну, это и понятно. У бабушки родился третий внук. Если по старшинству, мой двоюродный брат Егор, я, ну и новорожденный братец.

Мы поднимались в палату к маме. Папа с бабушкой почти летели и чуть не сбили с ног какого-то мужчину. Он шел по коридору со своей беременной женой, и, видимо, токсикоз был не у жены, а у него. Потому что он шел и что-то бурчал, глядя под ноги. А когда на него налетели бабушка с папой, грозно крикнул:

— Смотрите, куда идете!

Жена, успокаивая мужа, погладила его по плечу и извинилась перед нами,

посмотрев на взбудораженных бабушку и папу, которые даже не остановились и неслись дальше по коридору. Зато извинения приняла я. В моем возрасте еще мало кто передо мной извинялся, поэтому я приняла это гордо.

В палате была только мама, она стояла у окна и держала на руках красивый голубой сверточек. В нем кто-то попискивал, покрхтывал, а мама нежно-нежно прижимала его к себе. Она заметно похудела и вся светилась от радости. Увидев нас, мама улыбнулась, посмотрела сначала на бабушку, потом на папу, потом на меня. Папа легко, как на крыльях, подлетел к маме и поцеловал ее в щеку, а потом очень бережно принял из ее рук голубой сверточек. Бабушка и папа тут же склонились над ним и стали разглядывать брата.

— Какой хорошенький! — нежно прошептала бабушка.

— Ох ты мой дорогой сыночек! — проговорил тихо папа.

— Соня, а ты чего там стоишь? Иди сюда, — мама подошла ко мне и обняла за плечи. А у меня в это время в душу закралась ревность и на глаза навернулись слезы.

— Ой, Сонечка, а почему глаза на мокром месте? — мама отвела меня к окну и ласково сказала:

— Милая, мы тебя очень любим! И всегда будем любить. Ты наша радость! Но теперь у нас появился малыш, твой брат. Он такой маленький и очень нуждается в твоей помощи. Ты будешь о нем заботиться, помогать ему всегда и любить.

Я подошла поближе, и мне разрешили поддержать малыша.

— Какой маленький! — удивилась я. Брат доверчиво и мирно сопел у меня на руках. И я поняла, что я его уже полюбила. Это же мой братик, мой! И все другие мысли ушли куда-то.

Вот с такими хорошими мыслями мы приехали домой.

На следующий день мы с бабушкой затеяли генеральную уборку, и это уже в третий раз! Это для того, чтобы в доме была идеальная чистота к возвращению мамы с малышом. Мы мыли окна, полы, то и дело включали пылесос, и к вечеру сил у нас попросту не осталось. Но бабушка все не унималась и давала мне новые и новые задания. Но тут появился папа и только было хотел включить телевизор, как бабушка опередила его и посоветовала вынести мусор. Папа же в свою очередь сказал, что у него есть одно важное дело, и вышел из дома.

Вечером суета продолжалась. Бабушка с упоением готовила ужин на кухне, ведь она сейчас была главной хозяйкой в доме. Я занималась своими делами у себя в комнате. Дедушка смотрел телевизор на первом этаже. А в это время папа занимался крайне важным делом. Привезли новенькую мебель, и папа распорядился, куда ее поставить. Мне стало интересно, что же делает папа, и я побежала посмотреть. Папа тащил огромную коробку, на которой большими буквами было написано: ДЕТСКАЯ КРОВАТКА. А в комнате родителей уже стоял пеленальный столик и новенькая голубенькая коляска. Папа открыл коробку и принялся с очень важным лицом изучать инструкцию, потом долго возился с мелкими запчастями и наконец рядом с родительской кроватью стояла красивая беленькая кроватка. Папа бережно положил голубенький матрасик, подушечку и одеяльце, на котором было изображено легкое белое облачко. Этот комплект мама заказала еще до роддома. И он очень гармонично смотрелся в комнате родителей. Затем бабушка принесла ко мне в комнату огромный пакет.

— Что это? — спросила я.

— Тебе, София, как старшей сестре, поручается очень важное задание, — ответила бабушка, — в этом пакете игрушки для твоего брата. Твоя задача будет их перебрать. Мама купила вот такие пластмассовые контейнеры. В один кладешь мягкие, в другой — твердые игрушки. Поняла?

Я кивнула и на следующий день с удовольствием принялась за эту работу.

Прошло еще дня два, которые были наполнены предвкушением появления в доме маленького чуда. И вот наконец-то маму с братом выписали. Первый день перед появлением малыша дома прошел очень сумбурно. Началось все с того, что мама позвонила папе и сообщила, что их с братом уже выписывают. Папа, не в силах сдержать радости, кружился с телефоном по комнате. Потом забежал на второй этаж к бабушке в комнату:

— Вера Петровна, Ангелину сегодня выписывают. Я надеюсь, что не сильно вас напрягу, извините за такое выражение, если попрошу вас еще раз убраться в доме?

— О, чем речь, родной? Конечно, я уберу. Какое счастье, что Гелю уже выписывают!

Прошло пару часов. Папа вернулся с работы, взял необходимые вещи и поехал в роддом за мамой. Бабушка тем временем как заведенная драила дом. Прямо в прямом смысле драила. Каждый уголок.

Прошел еще час. Бабушка караулила двери, то и дело поглядывая на время. Наконец в дверь постучали и послышался веселый папин голос:

— Открывайте, это мы.

Бабушка тут же открыла дверь, и я увидела маму с папой. На руках у папы лежал голубой кулечек с красивой си-

ней лентой, в котором и находился мой младший брат. Он спал. Наконец-то он дома! Я сразу подбежала к маме и обняла ее. Мама нежно расцеловала меня, потом, улыбаясь, поцеловала сначала папу в щеку, потом, наклонившись, чмокнула кулечек, и взялась за маленькую ручку, которая выглядывала из кулечка. Потом обнимать и целовать принялась бабушка. Все были очень рады.

Вечером вернулся дедушка. Он тоже был очень счастлив появлению брата в семье. Он долго обнимал маму и благодарил за внука. Потом подошел к папе, крепко пожал ему руку и тоже тихо поблагодарил. Вскоре приехали и вторые бабушка с дедушкой. Сегодня они видели брата в первый раз. Поэтому охали они больше всех.

— Ой, а какие ушки! Ангела, это в тебя.

— Мать, ты чего, Кирилла нашего в детстве не помнишь? Ну, точь-в-точь такой же лопоухий был.

— Да какой же он лопоухий? Ушки аккуратненькие, маленькие, как у Ангелы. А Кирилл действительно лопоухий был. В него наша Сонька пошла. Сейчас, правда, ушки улеглись, а как родилась — ну точно твой папка в детстве!

Бабушка погладила меня по голове. И я ей улыбнулась.

— Что правда, то правда: Соня у нас больше в папу. А вот маленький в маму.

— А назвали то вы его как? — встрепенулась бабушка Нина.

— Ой, Нина Александровна, времени совсем не было. Я же только сегодня приехала. А в роддоме... Ну, сами понимаете: не до этого было, — ответила мама, — но вы не переживайте: обязательно назовем.

— Ну, смотрите мне!

Вечер закончился. Бабушка с дедушкой уехали, а мы легли спать. Сегодня была первая бессонная ночь. Мама дол-

го не могла успокоить брата. Но в итоге брат уснул. А я все никак не могла. Я представляла, как буду помогать маме, как буду любить его и как он будет любить меня.

На следующий день позвонила Кристина и поздравила с появлением нового члена семьи. Сначала она поздравила маму, а потом меня. Вообще в этот день много кто звонил и поздравлял, но меня поздравила только Кристина.

Вечером мама решила, что пара уже и придумать имя маленькому. И мы опять стали думать, как же назвать малютку. Бабушка настаивала на своем Светозаре, но с ней никто не соглашался.

— Может, Кирилл? — предложил папа. — А что, будет Кирилл Кириллович!

— Не, не! — воскликнул дедушка. — Два одинаковых имени в роду — плохая примета. Давайте Сергей. Сережа.

— Нет! — твердо сказал другой дедушка. — У меня на прошлой работе начальник был Сергей. Хотите, чтобы я смотрел на внука и вспоминал его?

— Работать просто надо было хорошо! — недовольно фыркнула бабушка.

— Сонь, а ты что скажешь? — спросил у меня папа.

Я не знала, что ответить. Недавно я смотрела сериал, где у главного героя брата звали Лион. Мне имя очень нравилось. И я выпалила:

— Лион!

— Как? — спросил сердито дедушка.

А маме понравилось. Да и папа был не против.

— А что?! Красивое французское имя.

— Ну, оно же не православное, — поморщилась недовольно бабушка.

Собственно, поэтому брата и зовут Лион.

Вся семья хлопотала над нашим малышом, а мне очень хотелось что-то сделать для него хорошее. Но мама объяснила мне, что Лион еще совсем малыш и больше всех людей на свете ему пока нужна мама. Но он будет быстро расти, и скоро я смогу проводить с ним

много времени: с колясочкой гулять на улице или забавлять его в кроватке игрушками.

У меня есть брат! И с ним у меня связано много прекрасных минут общения и игр! Об этом я расскажу обязательно в новых главах своей повести.

Владислав СИДОРЧИК

Любимой маме

Мамуля, мамочка родная!
Нет слов, чтоб выразить сполна,
Как ты добра, заботлива, нежна,
Терпенья, мудрости и ласки вся полна.
За труд твой, руки дорогие,
Что колыхали по ночам.
Порою глаз ты не смыкала,
Когда болезнь одолевала.
Взрослеть я начал — ты наставляешь.
Хорошим сыном чтоб я рос.
И гражданином был достойным,
Чтоб много пользы я принес,
Поэтому в прекрасный праздник,
Мамуле, мамочке моей,
Дарю букет, огромный, алый
Из роз любимых, только ей!

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Александр ВОЛКОВИЧ

Поймать угря в росистой траве

Почти рыбацкие путевые фантазии

Рыбак из меня знатный. Но об этом знаю только я. Остальные догадываются или верят на слово. Особого мнения моя дорогая супруга.

«Седина в бороду — бес в ребро», — повторяет время от времени.

А в голосе — нотки сочувствия даже некоей жалости. Мужнину, на старости лет, рыбацкую блажь моя Ирина понимает по-своему: чем бы дитя не тешилось... Поэтому и тщательно нарезанный бутерброд в пластиковую коробочку изпод маринованной селедки «Матиас» местного «Сантовского» пошиба — с намеком что ли? — и почищенные от скорлупы круто сваренные яйца — «не хватало еще грязными пальцами на речке лапать» — и порезанный кружочками огурчик и долька помидорчик, завернутые в пищевую пленку, — «чтобы все съел, обратно ничего не вези» — и хлебушек — «не забудь вернуться с заячьим, от такой вкусенький» — и прочая-прочая походная снедь готовится ею заранее, спокойно и рассудительно. Непримирила она лишь к червям и опарышу, оставляемым мною на кратковременное хранение в холодильнике. «Поскорее заberi этих червяков! Вдруг расплзутся!»

«Они же в баночках. Крепких, как тюрьма» — бодро пытаюсь оправдаться, а заодно и сьютморить.

«Какие шутки на производстве!» — моими же словами парирует женушка.

Таким же образом, под неусыпным контролем супруги, происходит и «вынос тела» ранней ранью с манатками с

восьмого на первый этаж нашего дома к подъезду, где с минуты на минуту ожидается прибытие извозчика в лице моего земляка Ивана на подержанной иномарке.

Причем причитающиеся перед отправкой в дальний путь ритуалы исполняются традиционно неукоснительно: «присядем на дорожку», «вспоминай, ничего не забыли — соль, зажигалка, сигареты?» — и т.п. Слово перед отправкой разведчиков во вражеский тыл: «Попрыгай, попрыгай, не звенит?». Как будто едет бедный странник в какую-то дремучую Тьмутаракань, где дико, холодно и голодно, и вообще — мрак... А не на относительно близлежащее от областного центра полесское озеро-озерцо либо речушку, ведь там, по словам случайного знатока, бешенный клев карася (леща, окуня, плотвы), вот те крест, своими ушами слышал (видел, рассказывали)... На худой случай канадского сомика хоть надергаешь...

К данной рыбьей особи — ее еще называют «канальным сомиком», от слова «канал» — отношение у меня сугубо отрицательное. Если хотите, из соображений патриотических. В этом вопросе меня просветил один ученый муж. От него я узнал: канадский сомик, неумно расплодившийся в наших белорусских водоемах, милиоративных каналах — пришелец из Страны кленового листа, то бишь, Канады или Канады, как шутовал популярный российский сатирик. Заморская особь — не подумайте, что сатирик, — рыба, по сравнению с

нашими мирными рыбешками — агрессивная, на редкость живучая... Нету от «канальи» спасу ни чужой икре, ни головастикам, ни тем, кто послабше, ленивей, беспечнее. Все подряд выживает. Тоже самое и с неимоверным размножением бобров на наших реках и озерах. Канадская разновидность этих плавающих грызунов оккупировала в последние десятилетия почти всю Беларусь, безжалостно вытеснив из мест обитания привычных нам местных, коренных... Я даже, помню, записал её научное, латинское название — *Castor canadensis*.

Иногда думаю: во, сволочи, схоронились на время в Канаде за океаном, а теперь выползают на свет божий, права качают, бандеровские твари...

Ученый дядька, а он, как-никак, кандидат биологических наук, в тот раз мой героико-политический антогонизм постарался утихомирить: мол, борьба за выживание в природе, географическая миграция видов животных...

И про то, что бобры умеют плакать в случае смертельной опасности, он мне тоже в красках поведал.

Но я остаюсь при своем сермяжном мнении.

Жена меня удивила — не без оппортунистических замашек оказалась. Говорит, ты канадских сомиков бери, они жареные очень даже ничего, почти без костей...

Ладно уж, благосклонно соглашайся, разве что жареные...

Бодрая заря, манившая бегущим по ходу движения машины красным шаром меж деревьев, расплылась равномерным свечением небес. Припарковались на озерном берегу — и небо тут же сине нахмурилось, недовольное пришлым людям. Мой извозчик убыл восвояси, дела позвали в город. Мне же добираться назад пригородным автобусом.

Реденькая стена прибрежного рогаза укрыла осторожную парочку крякв, неспешно уплывшую в заросли. Наглый нырок продемонстрировал отчаянное пренебрежение к людям, выставил на обозрение чубатый зад и надолго исчез под водой. Дощатый мостик, влажный с ночи, отозвался глухим стуком шагов рыбака. Глупый ерш с голодухи ринулся на всплеск заброшенного фидера с прикормкой, но его, наверняка, опередил проворный окунь, агрессию которого можно понять о приснувшим в разные стороны серебристым малявкам. Хитрый карась не спешит на легкомысленный тарарам, поднятый на дне опустившимся кормом — вареной перловкой в решетчатой 35-ти граммовой корзинке. Издали наблюдает за дармовщиной любопытная плотва, занырнувшая в бездну для проверки слуха. Важный лещ пахочется под впечатлением обманных ночных звезд на воде, а поэтому пребывает в томной прострации, уступая дорогу проворным подлещикам и густеркам. Перламутровый линь вообще не у дел, довольствуется возлежанием в теплом иле или под донной корягой. И только загадочный угорь — а он все-таки водится в этом озере, водится!!! — млеет извилистой лентой где-то в полумрачных недрах с мечтами о колдовской луне или разящей молнии. И сумбуллической пляской под грозовой их сенью.

Позвольте!!! Позвольте! — восстало мое, через край, рыбацкое вдохновение. — Рыбы не знают ни снов, ни слов. О чем им думать, кроме корма и размножения?!!

Так почему тогда не клюёт?! — вернула с озерных глубин на дощатый настил пасмурная действительность.

Погода, между тем, напрочь испортилась. Западный ветер погнал волну прямо на мостик, где я расположился с двумя фидерными удилищами на во-

ткнутых в дно подпорках-рогатиных. Резервная поплавочная удочка построена рядышком, по левую руку — о шуйцу. Тут же под локтем другие рыбацкие причендалы: ведро с заправленной прикормкой, подсачек, прочая дребедень. Натянутая грузом леска, пропадая в глубине, мелко вибрирует наружу, чуть колыша сигнальные кивки. Зелено-коричневая стена прибрежного рогоза — иногда название путают с камышом — неодобрительно шумит, не суля обнадеживающие перспективы. Дождь «важится, важится, да никак не отважится», как говаривала моя покойная бабушка Настя, давно уже наблюдавшая за постаревшим внуком с зачарованным небес, и это вселяет робкую надежду в одночасье не промокнуть и дожидаться поклевки. Впрочем, в запасе есть плащ-накидка с капюшоном — полупрозрачная полиэтиленовая клеенка цвета бледной морской волны, вступающая в резкий эстетический диссонанс с моей камуфляжной рыбацкой парой — пятнистой защитной курткой и штанами со множеством накладных и внутренних карманов. Остаться при своих, сухих, интересах поможет и старинный зонтик-трость, неизвестно каким образом сохранившийся в нашей городской квартире — глубокая, выцветшая от времени брезентовая полусфера когда-то черного цвета, с мощными дугами и массивной, под кость, загнутой крюком ручкой. «Возьми, не помешает» — напутствие жены на дорожку.

Все это дождевое прикрытие до поры до времени спакковано в рюкзаке. А эстетический диссонанс формы и содержания происходящего подпортили: вначале — обрывки грязных газет и порожние полистирольные баночки из-под рыбной приманки, оставленные на берегу предыдущими ловцами удачи, которые мне пришлось сгребать в

кучку и хоронить, а далее — отсутствие клева и сиюминутного успеха. Впрочем, успех — категория скорее душевная, нежели физически осязаемая, к примеру, в виде восторженного от неожиданной поклевки кивка на фидерном удилище или занырнувшегося «пожарного» перышка поплавочной. Поэтому присутствие духа не теряю, приманку периодически меняю: червей на тесто, маринованную курурузу на запареную перловку, как говорится, часы на тусы. Ловись, рыба, большая и маленькая!

Булькаю очередным забросом кормушки метров за тридцать-сорок от мостика, внося в подводное царство ожидаемую неразбериху. Хищная полосатая гвардия окуней больше на наивные уловки не ведется. Стиляга-краснопера вкупе с легкомысленными плотвой и густерой страдают отсутствием аппетита либо по утру уже набрались. Неповоротливый линь вообще в эту пору в ристалищах не участвует и вряд ли нынче свое присутствие обнаружит. Да и места обитания и кормления предпочитает иные, потеплей и укромней, а те неведомы мне и далече.

Одна надежда на жадного до жратвы карася, хотя этот раздолбай неуправляем и непрезказуем: хочу копаю (илистое дно в поисках червячков), хочу не копаю...

Перловку он нынче вкушать не желает.

Знать, перекормили приезжие рыбаки.

Сия простая истина вызывает смутный отклик в моей простецкой душе. Вспоминаю срочную службу... Почти ежедневная перловая каша — утром, и вечером, и в обед... Знаменитая шрапнель. Бррррр...

Заветный угорь — мечта поэта — вероятно останется и на сей раз недосягаемой, потому, что не здесь и не сейчас,

ни вчера и ни завтра, а поезжай-ка ты, дядька, на Пулемецкие, Шацкие озера, на Свитязь, или еще куда-нибудь, но туда ходу нет: хохлы заград понастроили, дороги перерыли, мосты повзрывали, а, говорят, — еще мин понатыкивали и бетонных столбов и противотанковых ежей на границе понаставили. Разве что на Луковском озере угря выловить случится, если постараться, если повезет, если с тамошними рыбаками договориться. А здесь, на Ореховском, дождись белой рыбы — хорошего леща со товарищи. И канадским сомиком не побрезгуй, он, зараза, на земляного, навозного червяка без разбору берет и лучше под камышами, под бережком, можно и с лодки, и потемну, с ночным рыбьим дозором... В крайнем случае — вечерком на каналах...

Бесплатный советчик из местных, покурив и поболтав со мной за компанию — а разговаривал он то по-городскому, на русском, то соскакивал на привычный сельский диалект, говор полесских ольх и осин — как появился неожиданно и бесшумно рядышком, так и пошлепал сапогами-болотниками вдоль берега, высматривая что-то на мелководье. Одет был в потертую выцветшую штормовку. Роста ниже среднего. На голове — простенькая кепка. Полосатый матросский «тельник» — упрямым треугольником в разрезе демисезонной рубахи. Глаза на небритом лице ясные, удивленно вопрошающие, как у пойманного шального окуня: «А нас за шо???» Такие бывают у безобидных, горьких пьяниц. Звать Петром.

Снасти держал подмышкой примерно такие, как и у меня — китайский фидерный ширпотреб.

Из всего тараторкой выплеснутого рыбаком я понял еще дословно следующее: родом он из «портового» города Малорита, здесь в Орехово — в прима-

ках, жинка с племянницей с ура отправилась «ровэром по чэрніцу», а он пораньше «наложыв наговыцы» и «до воды», но «тутэкаво нічога ны мае», а «гэндэго шчэ ны бачыв»...

Напоследок абориген пригласил в гости: вон там за леском, крайняя хата, под шифером, не ошибешься — по правую сторону от церкви и магазина, заходи, если что...

Проводив взглядом отставного флотского и воодушевившись, я, что называется, как салага-матрос, лапы карabelьного якоря рашпилем заточил, ленточки бескозырки зубами отчаянно зажал — и в атаку, вперед на врага... Перед рывком постную кукурузину на крючке скоромным опарышем сдобрил, аппетитный бутербродик подальше удилищем зашвырнул.

Святым апостолам Петру и Павлу в их Петровский, июльский пост фигу показал.

Мои подводные визави предложенное меню, вероятно, одобрили, поэтому вскоре солидный подлещик на леске затрепыхался.

Ни шатко, ни валко клев налачился.

Распогодилось в прямом и переносном.

Не прошло и часа, как с пятюк серебристых пацанов, извлеченных мною из водных недр, для виду покочервяжась, перекочевали в садок, где в кутузке угомонились.

И наконец-то взрослый папаша-лещ примерно кг на полтора так леску на себя дернул, что чуть было мое штекерное трехколенное удилище с катушкой в воду не опрокинул.

Упирался вначале серьезно: резал мелкую волну туго натянутой леской-монофилом, вершинку-кивок удилища опасно загибал, в сторону норовил увести... Пока, утомленный податливым фрикционом (такая штуковина в безз-

нерционной катушке, действующая по принципу «туда-сюда»), не выдохся, не сдался.

Заплоскодонился.

В подставленный мною подсачек лещ, на удивление покорно, наповоду, плашмя зашел...

«Ура! Мы ломим, гнутся шведы.»

...Световой день пролетел незаметно. Время спрессовалось в отдельные яркие всполохи-моменты. Вот по сигналу кивка, замирает сердечко рыболова и, кажется, погружается вслед за стартовавшей ниточкой-жилкой в темный соблазн, пребывая в счастливом неведении: по приметам, похоже, намерился крупный карась или лещ, а, возможно, удача! — дикий карп, этот упитанный на дармовщине сазан... Рывок, подсечка — и леска, пружиня, накручивается на катушку, извлекая на свет божий... растопыру-ерша. «Несподзянка» не слишком печалит добытчика, зато предназначена изумленному вольноотпущеннику, так и не понявшему, как, почему и за что. А то в тишине напрасного бдения спонтанно и без особых примет, без всплеска и явно выраженных посягательств подводная тяжесть сгибает удилище, и тут уже пан или пропал — травить помалому или же выбирать якоря?! В такие счастливо-томные часы, которые, по классику, не наблюдают, и дышиться вольно, и в полвздоха, и не дремлетесь, и не куриться, и не голодается.

А то вдруг потянется взгляд за движением крыльев на горизонте, отметит узнаваемые черты: конечно же - это бусел витает над лесом, под облаками... Куда полетит? Где приземлится? — Гадаешь, как будто, неведом любому их жизненный круг.

В болото. На луг за лягухой. На поле, где нынче косилками косят траву. К родному гнезду с птенцами где-нибудь на сельской крыше, большом старом де-

реве или прямо на телеграфном столбе. Главное, чтоб — дадому.

Как и люди, отмечаю про себя.

На этом озере всерьез рыбачу впервые. Правда, если напрячься, то когда-то, не припомню, когда именно, случилось, — бывал... Еще перед службой в армии. Но трудно сравнивать несравнимое, давным-давно забытое с сегодняшним. Разве что размером Ореховское озеро запомнилось да сельскими домами и строениями, врассыпную сбегавшими в низину к огородам, зарослями к воде. Опять же — церковью на взгорке.

По всем просторам нашего, белорусского Полесья можно встретить такие камышовые и лесные озера, болота да перелески, «трясины, заводи в ольхе и тростниках», ухоженные поселки и села в садах, буслы-аисты где только можно, да речушки-невелички, да кирпичные и деревянные храмы, крашенные в голубое... Еще красны эти просторы полями да лесами, мехдворами и скирдами, сетками мелиоративных каналов и водонапорными башенками, незамысловатыми дорогами-трактами с часовенками на обочинах, крестами в разноцветных ленточках — юбках-плиссе на росстанях, скромными обелисками почти в каждом селе и деревне, полевыми дорожками-стежками, скотиной, птицей, зверьем. Где гуще, где пуше.

Ну и, конечно же, — своим людом-полешуками, где работающих, смежливых, совестливых всяко боле пьющих да никудышных.

Примерно такая же картина, полагаю, — на другой, украинской стороне...

О, великое Полесское Междуречье!

Сколько раз, бывало, доводилось за свою долгую жизнь пересекать эти просторы вдоль и поперек по служебным ли делам, по армейским ли заботам, по гражданскому ли интересу и везде — почти одно и то же природное

и житейское полотно, особенно ближе к нашим западным границам. От Бреста до Житомира, от Муховца до Днепра... Даже говор людской не слишком отличен, особенно в деревнях. Всяко каждым понимаемый.

Всяких бед, кровей взхлеб нахлебалась эта земля, переварила чужье в лесах и болотах, выплеснула чужеродное ручьями и реками — и собою единым осталось. Древним и обновленным.

Полесское Междуречье.

Нагруженный великими смыслами, а также рыбацкой аммуницией со снастями я отправился с озера восвояси, подгоняемый вечереем небом и разошедшемся донельзя комарьем. Курс держал по тропинке вдоль берега, на сиющую церковь на взгорке, как и было подсказано ранее. И не ошибся. Вернее креста в нашем Отечестве ориентира не сыскать.

Встреча двух «фронтов» — белорусского и полуукраинского, если считать население деревни Орехово в лице Петра и его жены наполовину украинским — прошла вполне буднично. Как будто так и надо: пришел званный гость — хозяин, как положено, встретил. Не говоря уже о том, что рыбак рыбака... и так далее по тексту. Петро тут же стал метать на стол выпить-закусить — я поддержал ассамблею винишком, приобретенным в магазинчике райпо по дороге. И как-то все само собой между нами сложилось — разговор начался, зажурчал без особых реверансов и политесов. Петро вкратце прояснил рыбацкую обстановку в ближайших окрестностях.

Здесь на месте — рыбалка ненадежная, сомик канадский — да, белая рыба — сложнее, надо поуипираться... Вот если бы на озеро Мощное можно было добраться, то красного карася не успевал бы вытаскивать... Озеро торфяное, по прямой — километра три лесом. Почему

нельзя? По той же простой причине — украинская территория. Дорога перекрыта. С той стороны, разумеется. Раньше запросто — хоть колесами, хоть пёхом, хоть чохом. Марина почти каждую неделю на Украину моталась: дядьки там ее, тетки... Считай, вся родня. И такие зловерные стали! Мол: вы захіпнікі! Это я то- захватчик, туды их растуды! Раньше и дизель ходил через Хотислав на Ковель, все похерили... В Шацк, Ратно не доехать. Можно, правда, через Польшу, но хрен редьки не слаще. У них там тоже: хто не скачэ — той москаль... Гэты здурнели, шахворосты!!! — Это кнуты такие вертлявые, хитроделанные...

Непоказное возмущение неблагоприятными соседями-украинцами по ходу нашего randevu трансформировалось в пересказ анекдотов. Первым застольным юмором блеснул, на правах хозяина, мой собеседник.

«Значит, так. Просыпается хохол в своей сельской хатке: голова с похмелья болит, «дрэнна в роце» (плохо во рту), жрать охота. На топчане в комнате — больная мать, калека.

— Мамо! Вы можэ ухі хотіть?

— Ой, хочу, сынку! Дужэ хочу. Так бы і з'іла тэй рыбки...

— Так пойдыть собі на річку, да й і наловітэ!

— Я ж не можу, сыночку! Хвора. Ногі ны ходють.

Хохол подумал, почесал патылицу (затылок) и отвечает:

— Ну тоді лыжыть собі тыхэнько, мамо, да й нэ гавкайтэ! А то ухі вам, ухі...»

Поулыбались. Еще раз закусили. Я стал напрягать память о чем-нибудь из личного опыта про Украину и украинцев - и неожиданно вспомнил ...полевую курсантскую практику на знаменитом Яворовском полигоне подо Львовом. Там в мою бытность находил-

ся учебный центр нашего Львовского высшего военно-политического училища — ЛВВПУ И там нас, будущих армейских газетчиков, а по сути — великовозрастных оболтусов, безнадежных гуманитариев, разгильдяев, называемых в шутку «мурзилками», приводили к нормальному бою преподаватели — тертые службой в диких гарнизонах и в горячих точках конкретные мужики-офицеры.

А мы, помню, дурачась, разыгрывали в лицах и голосах в отсутствие отцов-командиров шухарные «хохлячие» импрезы:

«По гадскому хуторі! Дэ наш батько набравсі заразной хворобі! Ржавымі мінамі! З поломаных міномётів! Пув шапкы пороху больш! Пув шапкы пороху меньш! Огонь!!!»

Не так давно о Яворовском полигоне все центральные газеты, интернет гудели: дескать, долбанули россияне гиперзвуковым «Кинжалом» по казарме наемников-американцев, «аж булькі з носу повылазылы» — примерно так звучит на украинском суржике...

И кто ж знает, может и я в том самом месте, куда долбанули, бывал... Полигон большой. Да уж...

— Знаешь, Петь, в чем хохлы обмислились, когда к нам задницей повернутся решили? — продолжил я поднятую дискуссионную волну.

— Не...

— Они отродясь заборы строить не умеют. Не по уставу, значит...

— Это как?

— Сначала пишут известное слово из трех букв, понимаешь, какое. Потом к нему доски приколачивают. Вот и получается сикось-накось...

На том и порешили. А завершила наш вечерний батл, проходивший за садовым столиком под сенью зреющих вишен, хозяйка дома. Уже смеркалось,

когда чернишницы вернулись из лесу. Племянница — студентка медицинского колледжа, приехала на выходные к тетке. Она уже со вчерашнего вечера деревенская, балакает на родительской мове:

— Подывітэсь, дядько, які ягоды сывынькы, хорóшэнькы! Зілля гэть ны мае.

Захмелевший Петро, упреждая нагонный за нетоварный вид, сразу к жене:

— Ой, Мань, дужэ мні погано. Ма-буць, шось з’ыв....

Хозяйка внешне недовольство не выказала, постеснялась чужого человека. Упрекнула мужа за бедный, на скорую руку собранный стол, за разнокалиберные рюмки с тарелками, ведь все новенькое в зале в серванте стоит, зря пылится.

Лыбилась мне вполне приветливо. Петру — многообещающе-снисходительно.

Застыдившись, я ретировался ночевать на топчане в летней веранде-пристройке, где загодя уже провели с хозяином рекогносцировку.

Долго не мог заснуть, возбужденный событиями дня, обсуждаемой накануне больной украинской темой: вроде бы шутовали, посмеивались, а горечь внутри жжет и жжет...

- ♦ Перед глазами, будто в калейдоскопе: волны, удочки, катушки, поплавки, каша в ведерке, рыба на крючке и в садке, кукурузные зерна из опрокинутой банки желтой россыпью на дне, грациозно проплывающие лебеди вдалеке...;
- ♦ один лебедь пытается взлететь, будто взбрыкнувший водный скутер, бьет крыльями по воде, кажется, вот-вот оторвется от поверхности, делает длинный рывок, шагает, шлепает по мокрому перепончатыми лапами, — и сбавляет ход, по инерции продолжая движение;

- ◆ «ну, давай, давай, взлетай, родимый, беззвучно кричу птице во сне, но она грудным женским голосом моложавой полешучки, в компании которой однажды ехал дизель-поездом направлением Янов-Полесский, запела: «Ой, шчо жэ мні наробэв, козачэ, чорны, // Шчо й у мэнэ жывоток повны. // Ой, шчо жэ мні наробэв, Яша, // Шчо й у мэнэ в жівоті пляша. // Ой, чы рыба, чы рыбыночка, // Чы малая да й дытыночка. // Ой, чы рыба, чы карасычок, // Чы маленькі Опанасычок»//;
- ◆ одновременно проявляются, словно в цветном кадре, попутчицы той молодежи на сносках, это сельские мадонны, по-праздничному одетые, прихорошенные, загорелые, веселые, одухотворенные каким-то потаенным знанием, безусловной правотой, никого не стеснясь, беспечно ехать переполненным дизелем «дадому» или на свадьбу, распевая привычные песни;
- ◆ а вот уже я совсем в другом месте и времени, молодой лейтенант-холостяк, купаюсь в ночном озерце на окраине украинского Коростеня, куда прибыл в дивизию по распределению, мои руки путаются, будто в водорослях, в распущенных черных косах украинской подружки, соблазненной мною на романтическую авантюру, и я боюсь, что она, неумеха, с испугу затащит меня под воду и вместе утонем, глубокое озерцо обрамлено гранитными глыбами и называется по легенде «Купальня княгини Ольги»;
- ◆ рушник привидился на иконе в красном углу квартиры родителей жены — подарок от украинских родственников на Пасху, края полотна свисают, будто платок с головы на плечи, лики неясные, на иконе нет образа, только глаза распахнутые

вникуда, и цветы незабудки с ромашками падают сверху, словно снежные хлопья, лошади скачут — кобылка и жеребёночек, чуть приотстав, и не понять, нарисованные или взаправду;

- ◆ неожиданно слышу короткое звеньзвяк, гадаю — колокольчик ли просигналил на удочке-донке, тянусь сделать подсечку, походя сталкиваю с мостка баночку с маринованной кукурузой, нет ни удилища, ни берега, прерывистый бом-бом не стихает, наверное, ожил воскресный колоколец деревенской церкви на взгорке рядом с магазинчиком сельпо, где я затаривался вином по пути с озера в гости к Петру, нет, это в нашей городской квартире пытается издать звуки купленный мной Ириной импортный будильник, не понять какой, не забыть бы завтра позвонить жене, волнуется, поди...

Просыпаюсь, прихожу в сознание.

Со двора доносится позвякивание колодезной цепи, плеск водяной струи, выливаемой в ведро. Хозяева уже на ногах, хлопочут по своим домашним делам.

А я, отказавшись перекусить — чай? кофе? — бочком, бочком, огородами — и к Буденному. Как в анекдоте.

Досада за вечернюю стихийную трапезу с возлиянием, состояние «дрэнна в роце» и мозги набекрень вызвали странную вибрацию тела и мыслей. Тупо гляжу на озерные волны, ровно накатывающие на прибрежную полосу, колыша нестройные заросли рогоза, хлюпая о столбы дощатого настила — и мляво мне, то напряженно.

Дождя нет и, по приметам, не будет — нет и клева.

Запахи резче. О чем они?

Пахнет, наверное, донник с купальницей, но я их не знаю...

Привычные, как одеколон для бритья, одуванчики по берегу зеленые головки еще не раскрыли, желтизна спрятана.

Трава в соку — огуречный водар.

Тростник, по-моему, вообще не пахнет, только шуршит...

Отсутствует позитив, зато рождаются призрачные ассоциации и миражи.

Наверное, рыбалка тем и заразна, что в не зависимости от погоды и клева затягивает в прострацию ожидания.

В грезы.

Долгоиграющий ноктюрн.

Сполохи впечатлений от увиденного и услышанного в последние дни, отголоски сумбурного сна выплеснулись в душе несостоявшегося поэта... гекзаметром.

(Ничего себе! — сказал внутренний голос).

Не зря, ох, не зря, заучивал в молодости нетленные строки гомеровской «Одиссеи», написанные, как известно, древнейшим стихотворным размером — гекзаметром:

«Гнев, богиня, воспой Ахилеса, Пелеева сына,

Грозный, которым ахейнам тысячи бедствий содеал:

Многие души могучие славных героев низринул

В мрачный Аид и самих распростер их в корысть платоядным»

А у меня спонтальку родилось:

«Угорь пятнистый, враг презренной медянки-изгои,

Медью закован ошейника, рудой болотной рожденным.

Он на утеху панским гостям на цепи торжествует, плененный

Мечтою, как плещут Припять с Днепром и далеко Саргасово море...

Вот ведь как аукнулась обожаемая мною античная классика, драпированная рыбацкими байками и собствен-

ным, малопросвещенным поэтическим опытом. Стихийно выплеснулась наружу навязчивая идея изловить-таки загадочную рыбу-угря...

Хотелось бы все же, чтоб это произошло в натуре... Водится ли он тут вообще?!

Но, если по чесноку, похожую быть про огромного угря на цепи поведаль мне как-то сердечный мой дружок, поэт Анатолий Шушко из Пинска во время наших нечастых встреч-разлук.

Рассказывал: еще при «запольском часе» один пинский пан «з мухою в носе», с великого ума и шляхецкого гонору приказал заарканить и посадить в сажалку редкостного угря чрезвычайных размеров, которого выловили в Припяти подневольные полешуки. Специальный хитрый ошейник местный кузнец для скользкой рыбыны выковал. Шляхтич с гордостью показывал вельможным гостям заузdanное чудо-юдо в пруду.

Сказка, байка? Кто ж знает... Я так и не удосужился когда-то на приглашение Анатолия отозваться, в Пинск съездить, на Припяти порыбачить, а заодно по возможности выяснить подробности этой бывальщины. А потом Шушко умер. Прости, Анатолий! Как талисман и сердечную визитку, храню в столе твои чудесные поэтические строки про Пинскую мадонну — редчайшую икону с таким же названием, что висит в костеле Успения Девы Марии города Пинска.

«Божая Маці з дзіцем у промнях» — так по-белорусски значится в Википедии.

Однажды я сказал ему в пылу откровенности: мол, друг Анатолий, после твоих чудных стихов о Полесье, Пинской мадонне можешь вообще ничего не сочинять, лучше не напишешь...

Хотел выразить комплимент, а, кажется, накаркал...

...Неожиданно сквозь облака, в образовавшуюся прореху хлынул, пролился столб света, как на той самой иконе в пинском костеле. И, кажется, должна проявиться женщина с длинными волосами и дитем на руках, парящая в надающем луче — Божая Маці ў промнях...

Что-нибудь означает сие, или каприз атмосферы?

Приветствие или соучастие?

Осуждение или сочувствие?

— Моему самопальному гексаметру. Всколыхнувшим было эмоциям. Грустным воспоминаниям об ушедших.

Наверно почудилось.

Решив, что «слезами над вымыслом оболюсь» — здесь и сейчас совсем ни к чему, я потихоньку стал удочки и уныние сматывать. Суровая проза безклев-ной рыбалки к дальнейшему словоблудию не располагала.

Подвигла к сбору манаток.

По пути к автобусной остановке в деревне размышляю. Наверное, — о главном. Быть может — второстепенном.

Мой батя, ныне покойный, посеял когда-то на огороде у речки овес с горохом. Считалось — полезно для почвы, истощенной бессменной бульбой. Лето. Раннее утро. Я с удочкой на берегу. Посевы, трава — в холодной росе. И тут началось... Я сразу не понял, что происходит. Откуда, зачем неожиданно появились из зеленой щетины овса длинные, как мне показалось, ремни, извиваясь ползущие от посевов к воде?! Блестели на брызнувшем солнце мокрые буро-зеленые спины неведомых змей с желтыми полосами-пропалинами по бокам, рассекали густую траву устремленные острые головы... Неужели ужи? А может, это большие вьюны? «Нет, это угри!» — сказал подошедший в этот момент мой батяня, и отбросил в сторону вознесенную было штыковую лопату. Он как-раз пришел подрыть мо-

лодой бульбы — и застал происходящее поползновение и меня, огорошенного, врасплох. Чтобы как-то их задержать, поймать — не возникло и речи. «Пусть возвращаются домой,» — просто сказал отец.

Затаив дыхание, с замиранием робкого сердца, с восторгом наблюдал я впервые в своей детской жизни, как великолепные рыбы-угри, так похожие на змей, насытившись молодыми побегами, ползли и ползли по росе в родную водную стихию, если можно было назвать нашу речку-невеличку, здесь и там покрытую ряской, настоящим прибежищем чудо-угрей. Трудно вспомнить сейчас, сколько их было — с десятков или, наверное, больше...

Как, каким образом могли появиться угри в нашей маленькой речке? Ответ удалось отыскать в книгах, частично — в рассказах взрослых. Настоящим открытием, трижды записанным, перечитанным, заученым стали для меня те заветные знания про этих странствующих рыб, что удалось нарыть в нашей скромной школьной библиотеке. Про то, как эти удивительные создания, обитая в различных протоках, озерах и реках, добираются на нерест в далекое теплое Саргасово

море в Атлантическом океане, расположенное за тысячи километров от мест обитания, как мечут там в водорослях-ламинариях икру и тут же погибают... А их потомство микроскопическим крохами, прозрачным стеклышками-льдинками, напоминающими листок ивы, возвращаются в родительские водоемы, мужая и взрослая в струях Гольфстрима, пока примерно через три года не доплывут вначале до берегов Европы, затем — по рекам, речушкам, протокам, а где по влажному да мокрому — до своей малой родины... А через некоторое время все повторяется сначала...

Еще ни один мудрец со времен Аристотеля не смог толком объяснить этот феномен...

Однако с тех детских лет маюсь мечтою — изловить настоящего угря. Причем — не на крючок. Не на другую смертельно острую приладу. А руками. Самолично. Взглянуть. Поддержать. Восхититься. Вспомнить однажды пережитый восторг.

Домой. Я уже устал и ничего не хочется, не радует даже улов, проделавший путешествие из озерных недр — в садок, оттуда на передержку в старенький холодильник «Атлант» в доме бича малоритского розлива по имени Петр. Ну а потом уже — в целлофановый пакет пожилого гражданина, возмнившего себя бывалым рыбаком, в автобусе сообщением до областного центра.

Результат рыбалки так себе — дюжина карасей и подлещиков да пяток лещей. А еще — примкнувший к ним подарочный выводок канадских сомиков, выловленных Петром накануне.

Принял я их скрепя сердцем вместе с приглашением приезжать на рыбалку еще. Колючие, гады! Засунул презент в пакет в довесок к собственной добыче.

Шелестят по асфальту шины пригородного автобуса.

Холодит бок пассажира живой целлофан.

В переполненном автобусе — без пяти минут горожане, ставшие было на выходные сельскими жителями. Возвращаются от отчих усадеб и погостов, от колхозных бурачных соток и картофельных грядок, от поминок и свадеб, от «черниц» и рыбалок, вроде меня, примостившегося с брезентовым чехлом для снастей на заднем сиденье. Старшие люди — с клунками, сумками, корзинками в отличие от молодежи налегке, уткнувшейся в экраны смартфонов.

В логической цепочке прошедших суток непосвященным не дано знать подробности некоторых событий, а мне интересно. Что было, что будет.

Мой новый знакомец по имени Петя — рыбак, можно сказать, с морским стажем, и даже умудрился побыть «бичом», правда давно и недолго. Отстал в свое время от жизни и своего траулера, на котором вкалывал в далеком северном порту по вербовке. Подтвердил тем самым английское слово beeah — что-то вроде безработного моряка на пляже, в простонародье — бича.

Большой морозильный рыболовный траулер, БМРТ, ходивший из Мурманска за треской и мойвой в Ньюфаундленскую банку Атлантики, как-то отчалил в очередную путину, а матрос-обработчик Петя — тью-тью. Наш герой бросил якорь в злачной забегаловке мурманской городской площади «Пять углов». Застрял там надолго, пока не выставили обратно на знаменитую площадь. Приплыл. Пошастав по углам и притонам, намаявшись без жилья и работы, устав бичевать, начал слать молнии давней подруге в Орехово, что в белорусском Полесье. Телеграфировал почти по Высоцкому: высылайте, отбатрачу!!! Маня-Марина, конечно, помчалась, нашла, отогрела, вернула домой.

За денежки с первой, в местном колхозе, полочки купили в рассрочку на год дефицитный холодильник. Как свадебный подарок себе же. Тем и дорог.

С первой совместной покупки начали жить вместе. Венчались в местной церкви Святой Великомученицы Параскевы Пятницы. Той, что возле магазина.

Уточняю: не магазин около церкви, а наоборот. Храм — главное.

Со временем все остальное наладилось, устаканилось.

С тех пор мой приятель почти безвылазно на озере. В свободное от работы сварщиком время и подалее домашних заморочек.

Не спрашивал я, вспоминает ли он адову работу на рыболовном траулере в североморских и атлантических канадских широтах. Наверное, да. Хочется верить — будет нынче и впредь давить канадских сомиков, этих «бандеровских» вертлявых выползней, вполне осознанно, со всей пролетарской злостью. За пролитую кровь. Во всех смыслах истории.

Мне позволено мифологически мыслить — как-никак литератор. Хоть плохонький, да свой.

Еду. Скучаю. Там, во дворе домика в Орехово, на тыльной стороне старой, дедовской постройки еще вчера обратил внимание на подержанные рыболовные снасти и среди них — колыску, сплетенную из лозы. Висела на вбитом в бревно ржавом гвозде — железнодорожном костыле. В таких люльках-корзинах в селах малых деток в старину убаюкивали. Незаменимая снасть для ловли рыбы. Помню и сам я в мальчишеские годы не раз хаживал с колыской по топким берегам речушки без названия, что петляла на окраине родительского села, вытапывал из прибрежного аира, тины и лопухов кувшинок карасей да щурят. Случалось загнать в ловушку и крупняк — зубатую щуку или неповорот-

ливого линя. С опаской и недоверием брали в руки полосатых вьюнов — они, извиваясь, старались выскользнуть и жалобно, громко и тонко пищали...

Как мы страдали, расчесывая ноги и животы после каждой такой путины! Кожа лица и рук зудела от укусов комарья и слепней, поры забивались илом и грязью, и это удовольствие называлось «словить свербуху».

Петро авторитетным кивком мой интерес тогда подтвердил. Знаем, плавали, тоже не раз в малолетстве с колыской бултыхался, набираясь вьюнов и свербухи, «як жаба мулу». Нынче года не те, струя не та. А колыска, действительно, из прошлого — осталась от родителей Марии. Перешла по наследству. Сначала — детская люлька. Нужда отпала — рыбацкая прилада воду в болотах да речках цедить. А вьны? В прошлые годы их больше в здешних водоемах водилось, потом — мелиорация, осушение. В озере вьюнов маловато, может их сомик канадский отваживает?! Кто ж знает.

А знает товариш, откуда вообще вьюны появились? — Петро неопределенно пожал плечами.

Пришлось пересказал ему легенду, услышанную мною далековато от этих мест, на Споровском озере в соседнем районе. Одна бабулька из деревни с забавным названием Кокорица, что рядом со Споровом, поведала. Рыбачил там в прошлом году. Лией, вьюнов в тех окрестностях, говорили, — как грязи. Нам не повезло, мимо кассы. А угощала хозяйка залетных рыбацков сушеной рыбой. Теми же линами и вьюнами.

Значит так, вещала восьмидесятилетняя старушка, предварительно помявшись на образа. — Злые люди распяли Иисуса Христа, забили ему в руки и ноги гвозди, по одному — в кисти рук, третьим — в обе ноги сразу, а четвертый остался лишним. Привели к месту каз-

ни цыгана-кузнеца, который выковал гвозди. Приказали забить оставшийся гвоздь в лоб Христу, чтоб наверняка. В это время на чело истязаемого села муха. Хитрый цыган придавил муху пальцем, чтоб казалось, будто вбил по самую шляпку, а сам с гвоздем, спрятанным в волосах на голове, пустился наутек. Когда беглеца стали настигать, он зашвырнул украденный гвоздь далеко-далеко в воду. С тех пор у цыган курчавые волосы и цыгане «не имеют сору» — ничего не стыдятся и не боятся. А гвоздь обернулся вьюном — они расплодился по всему свету.

Насколько я помню, похожий сюжет про Христовы гвозди упоминается в Евангелие от Матфея, от Луки, еще от кого-то, но, признаюсь, вчитываться в Священное Писание, кое-что понимать стал лишь на старости лет, историю про цыгана и вьюнов узнал совсем недавно, после сказки споровской старухи, раньше не мог даже подозревать о таких метаморфозах, прости меня, Господи!

Зато, думаю, на вершок и еще чуток попрос в глазах слушавшего небылицу, нет, былицу, Петра, еще более зауважавшего меня безусловно после вечернего randevu под плодово-ягодное крепленое винишко, купленное в ареоле наблюдавшей за чужим грехопадением Великомученицы Параскевы Пятницы, ибо в ходе вечерней исповеди выложил дружку-собутыльнику многое из своей далеко небезоблачной жизни.

Про службу военным газетчиком в Прикарпатском округе — Житомире, Коростене, Овруче, и дорога мне эта земля до слез — моя лейтенантская молодость. Про то, как львовские «рогулі» почти семь лет не могли «перемогчы» Монумент Славы советским воинам возле моего родного училища во Львове, шахтерскими отбойными молотками долбили монолит, пока не изничтожили

вовсе, а самого ЛВВПУ давно уж нет, его место заняла какая-то украинская военная академия. Про любимую жену и ее родителей: тещу — белорусскую бабу-страдалицу и тестя — щчырого хохла из Мельниковки, что в Смелянском районе Черкасской области... Смотрят они, бедолаги, нынче с небес на все наше непотребство, на земляков, разделенных границами и заборами, обидами и кровью, на нашу кривду и правду — и хорошо, что они всего этого ни в жизнь не знали и не видели...

Еду. Мечтаю. Чувствую: жалко мне расставаться с прошедшей, как сон, рыбалкой, случайными встречами и разговорами, со всем увиденным и понятым на перепутье, казалось бы, непреодолимо возникших границ.

Вспышками жизненных смыслов запомнятся мне эти часы, проведенные между водой и небом.

Должны же люди в конце-концов понять: живет-ся-может-ся не с теми, кто с тобой одной крови, а кто одной с тобой совести.

Угри и аисты, как и все мы, всегда должны возвращаться домой хотя бы наследниками и потомками.

Бойтесь и боритесь с «шахворос-тами» — вертлявыми кнутами, подстегивающими к междоусобицам.

... Вот такие многозначительные силлогизмы одолевали меня в конце пути, пока не замельтешили за окнами автобуса пригородные огни и ландшафты.

И совсем уже напоследок еще раз привиделась в дреме ночная Купальня княгини Ольги на окраине города Коростеня, и я, молодой и восторженный, ласкаю мокрые волосы юной украинки, и оба мы знаем, влюбленные, что ни за что не утонем.

*Волкович Александр Михайлович
Член Союза писателей Беларуси*

КЊІЖНАЯ ЗАЛА

"За іх, загінулых, живу..."

Да Міжнароднага дня памяці ахвяр генацыду, ушаноўвання іх памяці і папярэджання гэтага злачынства ў будучыні ў Брэсцкай абласной бібліятэцы імя М. Горкага адбылася прэзентацыя дакументальнай аповесці-эсэ «Галавасек», створанай пісьменнікам, гісторыкам, журналістам Анатолем Бензеруком.

Кніга прысвечана адной з жудасных старонак гісторыі Вялікай Айчыннай вайны – лёсу вёскі Драмлёва Жабінкаўскага раёна, якая была знішчана разам з людзьмі і не адраділася, як і сусветна вядомая Хатынь.

11 верасня 1942 года, у дзень вялікага праваслаўнага свята Адсячэння галавы Іаана Хрысціцеля, вядомага ў народзе як Галавасек, на досвітку ў Драмлёва ўварваўся карніцкі атрад на аўтамашынах. Гітлераўцы сагналі ўсіх сялян у хлявы, а самі кінуліся рабаваць хаты. А 10-й гадзіне раніцы пачуліся аўтаматныя стрэлы – каты пачлі знішчаць мірных людзей, а затым над вёскай узвілося вялізнае полымя...

Амаль дзесяць гадоў спатрэбілася Анатолю Бензеруку, каб аднавіць падзеі той чорнай раніцы, пайменна ўспомніць кожнага загінулага, прыгадаць жыццё вясцоўцаў ў мірны час, нават паспрабаваць рэканструяваць іх думкі... У той ракавы дзень ахвярамі нацызму сталі 183 чалавекі, сярод іх – 103 ва ўзросце да 30 гадоў.

Анатоль Бензерук прызнаецца, што "падчас напісання твора ў ім змагаліся гісторык і пісьменнік". Было важна, каб мастацкія домыслы, эмацыйнае

аўтарскае ўспрыманне не скасавалі сухой гістарычнай праўды. Аўтар скрупулёзна працаваў з архіўнымі дакументамі, але галоўнай крыніцай яго раследавання сталі размовы з роднымі, блізкімі загінулых вясцоўцаў. Асабліваю карысць складаюць сведчанні ча-

тырох драмлёўцаў, якія ў час жорсткай расправы былі падлеткамі. Гэта – Коля Ярмашук, Міша Данілюк, Міця Юрасік і Віталь Чахлоў. На жаль, час працуе не на карысць даследчыкаў, усё менш застаецца жывых сведкаў. Анатоль Бензерук упэўнены: без творчасці знакамітых папярэднікаў таксама немагчыма было напісаць аповесць-эсэ, а дакументальная пранізлівая кніга ўспамінаў "Я з вогненнай вёскі...", напісаная ў 1970-ыя гады Алесем Адамовічам, Янкам Брылём і Уладзімірам Калеснікам стала для яго настольнай.

Сустрэча прайшла ў моцнай напружанасці, прысутныя адчувалі блізкасць тых далёкіх ваенных гадоў і не хавалі слёз. Намеснік старшыні абласнога Савета дэпутатаў, старшыня Брэсцкай абласной арганізацыі ГА "Беларускі саюз жанчын", дырэктар Брэсцкага аддзялення РУП "Белпошта" Валянціна Пух падкрэсліла, што трагічныя падзеі, якія

пайшлі ў гісторыю, назаўсёды засталіся ў кожным з нас, у нашай Памяці. Яна адзначыла вялікую працу, якая праводзіцца ў дзяржаве дзеля таго, каб сучаснікі пачулі галасы тых, хто не дажыў да Перамогі...

Пераканальным сведчаннем таго, як лёс вёскі Драмлёва стаў болей ўсяго народа, стала выступленне начальніка аддзела па каардынацыі дзейнасці ўстановаў культуры Упраўлення культуры Брэсцкага аблвыканкама Ліліі Свідуновіч.

Аб тым, як душа падлетка на ўсё жыццё скавана глыбокай тугой аб родных, якія не пазбеглі смяротых стрэлаў вайны, распавялі чытачы старэйшага пакалення. А студэнт 4 курса гістфака Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна Мікіта Сталяроў у сваім яркім выступленні запэўніў, што аголены нерв мінулай трагедыі баліць і сёння, бо ў кожнай беларускай сям'і ніколі не забудуць перажытае людзьмі ваеннага пакалення.

Так, нас робіць моцнымі Памяць. Пра тое згадваў на сустрэчы і намеснік старшыні Саюза пісьменнікаў Беларусі, галоўны рэдактар штотыднёвіка "Літаратура і мастацтва", намеснік дырэктара Выдавецкага дома "Звязда", у якім была выдадзена аповесць-эсэ "Галавасек", Аляксей Чарота.

Напрыканцы імпрэзы Анатоль Бензюрук агучыў словы, якімі скончыў свой балючы аповед у кнізе "Галавасек": "Жыві і помні!". І сёння, праз доўгія дзесяцігоддзі, пра непамерную цану, заплачаную за Перамогу, нагадваюць больш за 10 тысяч крываваых кропачак-ран на карце Беларусі, і ў душы многіх з нас, адна з іх – Драмлёва...

Таццяна ДЗЕМІДОВІЧ
Фота – Брэсцкая абласная бібліятэка
імя М.Горкага <http://www.oo-spb.by/index.php?id=5257>

В дар Остромечевской библиотеке

Утверждение, что книга — лучший подарок для библиотек, было, есть и будет актуально во все времена. Библиотеки с особой благодарностью и трепетом принимают книги в дар и всегда рады, если это становится доброй традицией.

14 февраля, в Международный день дарения книг, Брестская областная нотариальная контора передала в дар Остромечевской сельской библиотеке имени Ф.Ф. Павленкова 50 экземпляров художественной, детской и развивающей литературы.

Библиотекарь Тамара Онуфриевна Лащевская искренне поблагодарила сотрудников Брестской областной нотариальной конторы за оказанную помощь в пополнении и обновлении библиотечного фонда. Также библиотекарь подчеркнула, что Остромечевская сельская библиотека на современном этапе – это учреждение, которое имеет оптимальный набор материальных и информационных ресурсов, предлагает своим посетителям целый ряд услуг для обучения и проведения свободного времени.

Остромечевская сельская библиотека стремится идти в ногу со временем и удовлетворять самые разнообразные читательские запросы, поэтому книги, подаренные Брестской областной нотариальной конторой, безусловно, станут значительным вкладом в развитие и продвижение образовательного и просветительского процесса посетителей библиотеки.

Наталья ПРИХОШКО

СҚАРБЫЦА НАРОДНЫХ ТАЛБЫТАҰ

Чем угощают жители Брестского района на Коляды и какие щедровки им поют

В больших городах уже практически исчезли колядные традиции, а вот в деревне можно насладиться атмосферой этого старинного обряда. Иногда даже не придется далеко ехать. Корреспонденты БЕЛТА щедрый вечер провели в самом пригороде Бреста, присоединившись к шумной компании колядовщиков.

От деревни Тельмы-1 до Бреста в прямом смысле подать рукой, многие местные жители ездят на работу и учебу в областной центр. При этом сохраняют сельский уклад жизни. Например, каждый знает, что вечером 13 января в дом могут постучать колядовщики.

Татьяна Борисовна загодя купила в магазине угощения и запаслась наличными деньгами. Ее маленькие правнуки Егор и Маша то и дело выглядывали в окно, ожидая ряженых. "Они поют, устраивают представление. Мы всегда ждем, с удовольствием открываем двери, угощаем. Припасаем и колбаску, и к колбаске, и денежку. Это наша исконно белорусская традиция. Надо ее передавать из поколения в поколение. Радуюсь, когда приходят колядовать ребята, которых знаю еще с детского сада", - отметила сельчанка.

Тщательно готовятся к щедрому вечеру и сами колядовщики. Подбирают костюмы, разучивают тематические шутки-прибаутки, стихи и песни. Они ходят по домам, веселят людей, желают хозяевам счастья и благополучия. Соблюдая старинную традицию, некоторые еще осыпают пшеницей, чтобы год был урожайным.

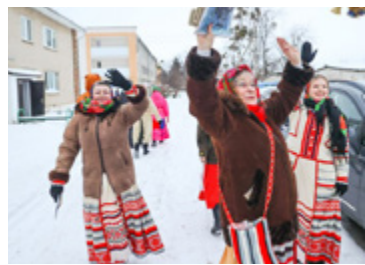
"Ежегодно проводим щедровки. Только один раз пропустили, когда была пан-

демия коронавируса. Щедрuem только на своем местном диалекте, весело, задорно. Причем ходят колядовать и взрослые, и дети, - рассказала заведующая Тельмовским сельским Домом культуры Галина Крисанова. - Щедровки взяты от наших бабушек и родителей, которые собрали по крупицам. У нас свой обряд, которым мы гордимся. Люди принимают очень хорошо, ждут нас 13 января".

В Брестском районе бытует диалект с вкраплением белорусских, русских и украинских слов. Естественно, и колядные обычаи свои: в чем-то схожи с другими, а в чем-то отличаются. Допустим, в агрогородке Остромечево на Коляды ходят с конем. В некоторых других регионах водят аиста. В Тельмах-1 заведено ходить с козой и медведем. В нашей шумной компании к ним присоединились звездарь, музыкант, цыганка и сельянки. Их бойкие напевы было слышно издадека.

Шчэдрівочка чшодрвала,
До вікэнця прыпадала,
Шо вы, тётку, наварылы?
Шо вы, тётку, напэклы?
Як гарачэ - дайтэ нам!
Як холоднэ - ныхай вам!

Дмитрий Валентинович встретил
колядовщиков с распростертыми объа-

тиями и щедро поделился угощениями. "Коляды очень старый праздник. Он жил в любые времена. Даже когда его запрещали, люди все равно отмечали. В наше время тем более - свободно. Угощаем тем, что в магазине купим, и что есть в собственных запасах. У меня свой мед, яблоки. Пирог печем обязательно, но вот в этом году не получилось", - перечислил хозяин дома.

Мужчина перекидывался веселыми фразами с колядовщиками, а его маленькие внуки наблюдали со стороны, стесняясь подойти поближе. Семилетняя Даша рассказала, что ее завораживает в этом празднике. "Все так ярко одеты, могут прийти с музыкальными инструментами и играть. Рассказывают веселые стишки, поют песни. Подросту - и тоже пойду колядовать", - убеждена школьница.

По пути ряженые поздравляют с праздником прохожих. Бывает, узнав кого-то из колядовщиков, сельчане сами зазывают их к себе в гости. Считается, если пустить Коляду в дом, то вместе с ней войдут радость и достаток. Чем более щедрый хозяин, тем более благополучно сложится год.

Роль Козы - едва ли не самая почетная. Ее несколько лет неизменно исполняет Светлана Ковалева. "Радует людей, поем, веселим, поздравляем. Бессменно исполняю эту роль. Видимо, по жизни мне это написано. У меня фамилия девичья - Козыревская. Коза приносит счастье в дом, богатство, это символ плодородия", - заметила женщина.

Вперемешку с веселыми песнями гости исполняют и щедровки-пожелания.

Прылытіла, прылытіла ластывныця
Стала, стала шчыбытаты
Господаря выклыкаты:
Выйды, выйды, господару,
Подывыся до товару,
Всі тылычкі потылылысь,
І бычэчкі породылысь.

Рыжы, рыжы, шчэй хорошы,
Будыш маты торбу грошэй!

Ирина Крисанова примерила на себя роль селянки. По словам женщины, от Коляд получает невероятное наслаждение. "Доставляет большое удовольствие приносить людям счастье, веселье, радовать их. Я выросла в этой культуре, не представляю себе другого образа жизни", - добавила сельчанка.

Компанию матерым колядовщикам составляют и молодые люди. У 17-летнего Давида Кулаги, впрочем, тоже немаленький опыт. До этого юноша щедровал со сверстниками. "В этом есть своя атмосфера. Нравится видеть лица и эмоции людей, когда они открывают двери. Они получают кайф, а мы заряжаемся от них. Интересно перевоплотиться в образы персонажей, которые были в давние времена, прочувствовать все на себе". Кстати, Медведь в исполнении молодого человека очень понравился односельчанам.

Многие колядовщики знают, что в доме Нины Васильевны они получают самые щедрые угощения. Хозяйка славится своей хлебосольностью. "Люблю этот праздник, встречать гостей, угощать их. Бабку приготвила, чебуреков нажарила, салатики сделала. Бегала день, два ведра картошки начистила - и получаю от этого огромное удовольствие, - с улыбкой сказала женщина. - Это все идет из нашего детства. Сама когда-то тоже ходила колядовать".

Стоит добавить, что в Тельмах-1 очень трепетно относятся к сохранению традиций и обрядов. В Доме культуры создали "Хату маёй матулі". В этой музейной гостиной собрали уникальные материалы, показывающие быт сельчан прошлого века.

Алевтина ЧЕРНОВОЛОВА,
фото Вадима ЯКУБЁНКА, БЕЛТА

ҚАЛАҰРСТ ҚҰЛЫҒЫНАҒА ЖЫЦЦЯ

«Еда — хоть куда» в Леплевке

Передача о гастрономическом туризме «Еда — хоть куда» с ведущим Владимиром Богданом белорусского канала «НТВ – Беларусь» пригласила зрителей к нам, в деревню Леплёвка, которая в этот раз удивила особенностями традиционной кухни.

Фольклорный коллектив «Живая вада» Леплёвского сельского клуба предложил местный обряд «Сыра», который представлял песенное соревнование между свахой и Запорожцами (женщинами, не приглашёнными на свадьбу, т.е. оставшимися за порогом). Свахой всегда выбирали женщину говорливую. С этой ролью неизменно справляется участница коллектива Надежда Антоновна Соколовская.

По задумке Запорожцы имели намерение завоевать в песенном соревнова-

нии корзину с колбасой, хлебом, выпечкой, напитками, и конечно же с сыром. Сваха находила разные отговорки, чтобы только не отдать им сыр. Традиционно в корзину в обязательном порядке клали пирожки, приготовленные по рецептам местных жителей.

Лидия Ивановна Лялько и Надежда Антоновна Соколовская предложили съемочной группе рецепт приготовления особенных пирожков, которые готовили в Домачевской стороне, а именно в деревне Леплёвка.

«Пырожкы па-ляплёўски»

Дрожжавое тесто раскатуеш, шоб булы круглынькі такыі. Потом ложыш начинку. Отварываеш сушаныя яблыкі, грушы. И ето всё на мясорубку перэкручваеца, добавляеца сахар. Потом шэ творогу добавляеш, более шоб сочнее булы. Можна и бэз творога. Складуеш в формочку в виде розочки, рулетика. Хто як робяць. И в духовку. Раньшэ в пычы пыклы. Трэба помазаты яйцом взбытым, шоб блышчали трышачку. А як шэ е мак и маком посыпаты. Шэ красившэ будуть.

Рэцэпт: 100 гр. дрожэй, 0,5 л. кипячонага малака, 250 гр. маргарына, ванилин, 5 яец, мука.

Для начинцы — тварог з пырымолатыми адварнымі сухафруктамі или канфеты.

(записано со слов Соколовской Надежды Антоновны 1949 г.р. и Лялько Лидии Ивановны 1965 г.р. д. Леплёвка в 2023 год).

Сушеные яблоки и груши процеживаются, а из оставшегося компота делали напиток – юшку.

«Юшка па-ляплёўски»

Раньшэ на свадьбу варылы юшку з сухофруктив. Юшка – кампот такы. И ужэ так много грушок и яблык. И отцэжваюць, вот эти грушкы и яблокы, воны пойдуть вмисто начинки. А кампот должэн стояты дня тры, шоб так пощипуваты чуть-чуть. Як холодненькое воно подавалася. А юшка была в графинах налыта. И пылы вси люды с удовольствием. Главное вгадаты, шоб вона ны пырыкисла. Надо воврымя, шоб тымпыратура була, ны жарко було и ны холодно. Если холодно, вона ныбудэ такая, ны скиснэ. Это такая трудоёмка работа. Сухофрукты раз в сок бырозавы засыпають.

(записано со слов Соколовской Надежды Антоновны 1949 г.р., д. Леплёвка 2023 год).

Алена ПОДДУБНАЯ,
методист по этнографии
и фольклору РМЦ

«Наперад у мінулае Брэсцкага раёна»

Яшчэ з даўніх часоў у беларускага народа існаваў звычай заклікаць вясну. Гэта традыцыя мае глыбокія карані. І ў кожнай вёсцы гэта свята адзначалася па-рознаму.

Брэсцкі раён ў чарговы раз запрасіў здымачную групу перадачы «Наперад у мінулае» беларускага нацыянальнага канала «Беларусь – 3» з нязменнай вядучай Акснай Вечар, данас увёску Ляплёўка, якаязноюздзівіла сваёй фальклорнай і гістарычнай спадчынай.Аматарскі калектыў «Жывая вада» Ляплёўскага сельскага клубаі дзіцячы фальклорны калектыў Страдзецкага сельскага Дома культуры «Страдзецкія зорачкі» прапанавалі мясцовы вясельны абрад «Тукане вясны».Адметна тое, што ў сваім закліканні вясны ўдзельнікі выкарысталі менавіта сваю мясцовую традыцыйную абраднасць.

«У абрадзе звычайна ўдзельнічалі ўсёй вёскай. Для свята выбіралася месца на масту, каля рэчкі. Маладыя дзяўчыны заўсёды ўпрыгожвалі бярозкі рознакаляровымі стужкамі і пачыналі спяваць песні-вяснянкі, якія выконвалі толькі ў Вялікі Пост.Асаблівасцю такіх песен з’яўляецца тое, што кожны куплет

заканчваецца громкім крыкам «Ту-у-у!» -расказала здымачнай групе загадчыца Ляплёўскага сельскага клуба Лідзія Іванаўна Лялько. У Брэсцкім раёне гэты абрад называўся «Бородаркі».

У перадачы будзе прапанавана паслухаць даўнішнія песні веснавага цыкла і ўбачыць як адна з іх на вачах гледачоў набудзе новае жыццё. Песня абавязкова павінна знайсці свайго выканаўца.

Алена ПАДДУБНАЯ
метадыст па этнаграфіі і фальклору

ляплёўка

397

МІНСК

аксана вечар

Наперад у мінулае

Семинар в Чернавчицах

8 снежня 2023 года на базе Чарнаўчыцкага сельскага Дома культуры адбыўся раённы семінар-практыкум па актывізацыі дзейнасці ў правядзенні мерапрыемстваў, накіраваных на папулярызацыю і захаванне народных мастацкіх промыслаў.

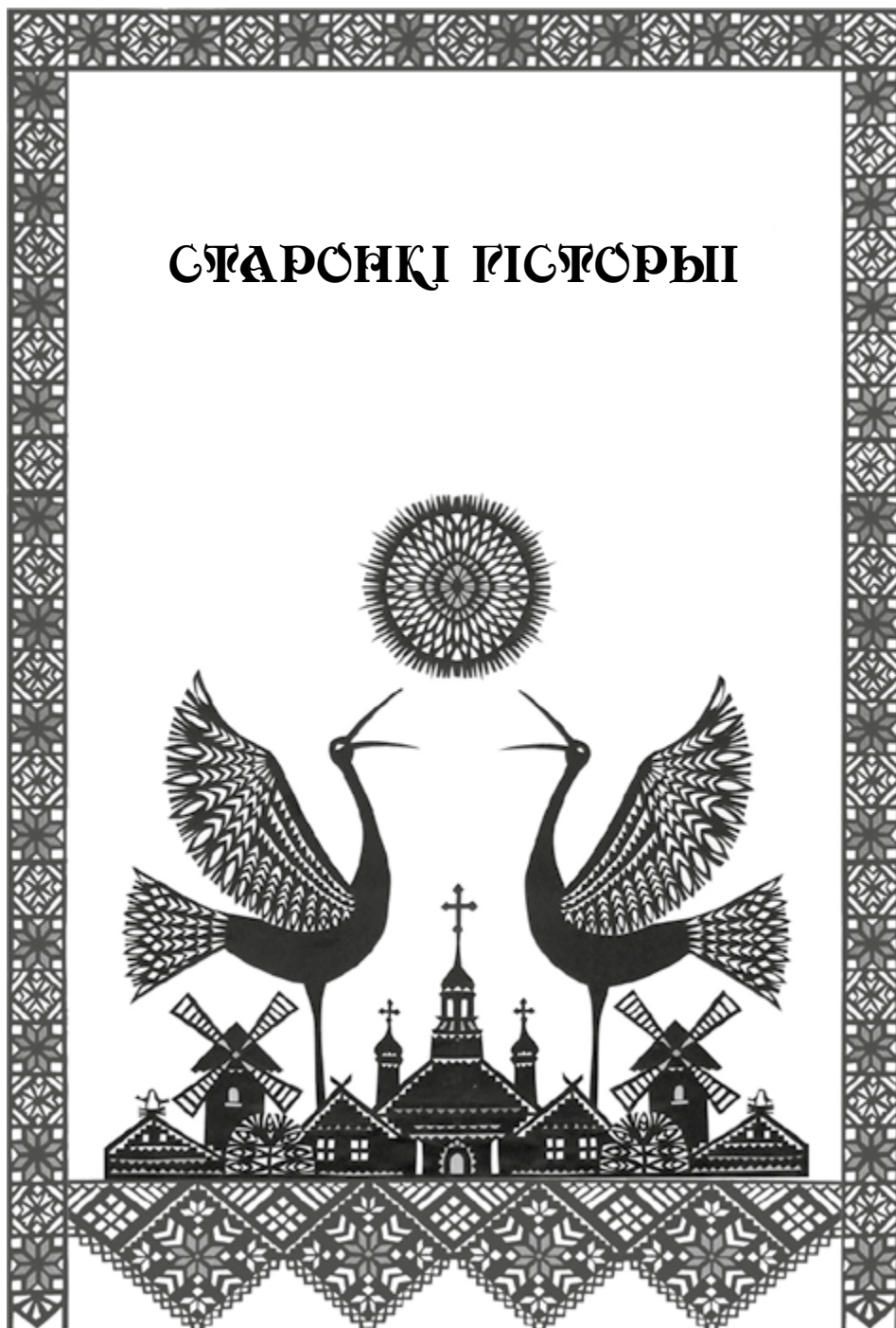
Мерапрыемства пачалося з адкрыцця этнаграфічнага кутка Дома культуры Хата «Мінулае ў сучасным».

У ходзе мерапрыемства былі падведзены вынікі раённага агляду конкурсу этнаграфічных куткоў, пакояў этнаграфіі.

Па выніках конкурсу этнаграфічны куток Хата «Мінулае ў сучасным» Чарнаўчыцкага СДК быў удастоены Дыпломам I ступені і падарункам у намінацыі за лепшае афармленне этнаграфічнага кутка, пакояў этнаграфіі.

СТАРОЊКІ ГІСТОРЫІ

В селе Мотыкалы Брестского уезда Гродненской губернии был установлен памятник-бюст русскому царю Александру II

В этой части моего повествования дорогой читатель узнает много интереснейшего о том, как происходило торжественное открытие памятника-бюста российскому самодержцу Александру II в селе Мотыкалы Брестского уезда Гродненской губернии в августе 1911 года!... Такой информации, уж точно, днём с огнём не сыщешь!...

«Благодарю Бога, что ношу имя Русского и что России принадлежу душой и телом; и это не пустые слова, а то, что я истинно в глубине сердца чувствую» - цитата Александра II... На фотографии, выполненной 18 мая 1874 года, изображены родные и близкие российского императора Александра II...

Стоят слева направо: сын - Великий князь Алексей Александрович, дочь - Великая княгиня Мария Александровна и её муж, Его Королевское Величество британский принц Альфред, герцог Эдинбургский, граф Ульстерский и Кентский... В центре сидит в кресле царь Александр II...

Поиски изготовителя памятника — бюста Александра II

После принятия решения об установке памятника российскому императору Александру II в волостном центре Мотыкалы Брестского уезда необходимо было найти ещё того, кто мог бы изготовить бюст Царя-освободителя... Торжественное открытие монумента самодержцу было назначено на 30 августа 1911 года... К этому времени памятник не только должен быть изготовлен, но и установлен на пьедестале... Чтобы успеть к указанному сроку, начались поиски изготовителя бюста царской особы...

Могу предположить, что волостное правление Мотыкальской волости обратилось к санкт-петербургскому предпринимателю Эдмунду Эдуардовичу Новицкому, который в ту пору на своём художественном металлолитейном заводе наладил в больших объёмах выпуск недорогих памятников Александру II...

Заводской бюст представлял собой царя-батюшку в мундире с погонами.

Контора предпринимателя Эдмунда Новицкого в начале XX века располагалась в столице Российской империи, в г.Санкт-Петербурге по ул.Садовой, 23

Мраморный бюст Александра II, выполненный в 1881 году русским скульптором Матвеем Афанасьевичем Чижовым (1838-1916)... В настоящее время данная скульптура русского царя хранится в Государственном Эрмитаже г.Санкт-Петербурга...

Работники художественного металло-литейного завода Эдмунда Эдуардовича Новицкого г.Санкт-Петербурга на фоне своих творений... На ближнем плане слева и справа стоят в полный рост готовые памятники российскому императору Александру II, а на заднем видны памятники-бюсты также царским особам: слева - первому русскому царю из династии Романовых Михаилу Федоровичу, справа - монарху Александру II...

Можно сказать, что это была копия известной работы русского скульптора Матвея Афанасьевича Чижова, выполненной из мрамора... Именно этот вид монумента был самым массовым и чаще всего приобретаемым сельскими общинами, волостными головами и губернаторами для сел и деревень с 1911 по 1914 год...

Изготавливался такой памятник на заводе Эдмунда Новицкого из цинка и покрывался тонким слоем бронзы... Всё очень просто и оригинально!... А главное - по цене доступной!... Тех денег, которые были собраны крестьянами Мотыкальской волости на памятник Александру II, вполне хватило как на бюст, так и на постамент...

В день тезоименитства 30 августа 1911 года состоялось освящение и открытие памятника Александру II в селе Мотыкалы

И вот наступил для многих жителей Мотыкальской волости долгожданный праздничный день 30 августа 1911 года... Это было поистине грандиозное событие для сельской местности!... Освящение и открытие памятника Александру II - Царю-освободителю!... Как пишет автор в своих воспоминаниях: «Приходскія братства и духовенство окрестных приходо́въ решили принять широкое участие въ этомъ редкомъ и столь желанномъ торжестве»... И в какой день!... В день тезоименитства (почитание святого, по имени которого был назван человек) российского императора Александра II!...

Именем защитника рубежей России и покровителя воинов Святого Александра Невского при рождении был наречен монарх!... По православному календарю 30 августа Русская православная церковь отмечает перенесение мощей великого благовер-

ного князя Александра Ярославовича Невского... И вправду, в этот день всё сложилось как нельзя лучше!.

«Величественно-спокойный ликъ Царя-Освободителя озаренъ ласкающими лучами осенняго солнышка»...

Ранним утром 30 августа село Мотыкалы оживилось... Господь дал в этот день чудную погоду. Восходящее солнце радостно сияло; на небе - ни облачка. Лучи небесного светила нежно коснулись селения и пробежались по памятнику-бюсту русскому царю Александру II... Эту утреннюю красоту описал в своих воспоминаниях очевидец: «Величественно-спокойный ликъ Царя-Освободителя озаренъ ласкающими лучами осенняго солнышка»... Невероятно мило выглядела данная картина!...

Монумент самодержцу к этому времени был уже установлен и ждал своего торжественного открытия. Организаторы праздничного мероприятия не стали из этого делать тайну, поэтому памятник Александру II не был накрыт белым саваном... Перед народом памятник монарху был готов предстать в своём величии!... Располагался монумент царской особы на площади волостного центра, между кирпичной церковью в память Покрова Пресвятой Богородицы и волостным правлением... Что можно сказать по поводу упоминания автором «об осеннем солнышке» в предпоследний день ух-

дящего лета 30 августа?... Вероятно, причиной всему стала погода. На календаре был ещё летний день, а в реальности уже на дворе ощущалась осень...

«Дивная была картина, которой вероятно никогда не видало селение Мотыкалы!»...

В то время, как утренние солнечные лучи озаряли село Мотыкалы и памятник-бюст Александру II, от церкви в память Покрова Пресвятой Богородицы во все стороны неслись звуки церковного благовеста (одиночные удары в большой колокол)... И эту благовестную весть народ услышал!... На звуки колокола со всех сторон к волостному центру потянулись вереницы людей, идущих с хоругвями и песнопениями... Радость - то какая была! Царя-батюшку, Освободителя, простой люд желал уви-

Бронзовый бюст русского царя Александра II... Обласканный нежным светом солнца величественный монумент императора сияет своим золотистым великолепием!... Вероятно, таким бюст Александра II предстал перед многочисленным скоплением народа во время торжественного открытия памятника в селе Мотыкалы...

деть!... Эту атмосферу народного торжества передал в своих воспоминаниях очевидец: «... со всех сторон по подъездным дорогам вдали показались сверкающие на осеннем солнышке крестные ходы; прошло еще немного времени и воздух огласился издали несущимся стройным пеніем подходящих крестных ходов. Могущею волною разносилось в воздухе пеніе: «Спаси Господи люди твоя...» и «Познай свою братію російскій Іосифе...» многих сотен участников крестных ходов и въ этомъ пеніи сливались и детские голоса школьников и сильные голоса парней

и девиц и даже дрожащие и слабеющие голоса стариков, помнящих отшедших уже в область преданий лихих времен «панщины», т.е. крепостного права»...

Открытие памятника Александру II в селе Красное Арзамасского уезда Нижегородской губернии в 1907 году. Как видно, памятник-бюст императору был установлен на сельской площади возле местной церкви... Примерно всё также происходило и в селе Мотыкалы в конце августа 1911 года, когда был открыт памятник-бюст российскому самодержцу Александру II...

Продолжая восхищаться увиденным, автор добавил: «Дивная была картина, которой вероятно никогда не видало селение Мотыкалы!»... С этим можно согласиться... Такое событие для простого человека запоминается не то что надолго, а на всю жизнь!... Это и есть всенародное торжество!...

Протоиерей Стефан Жуковский и епископ Белостокский Владимир приняли участие в Божественной литургии по случаю открытия памятника Александру II на берестейской земле

Под звуки церковного благовеста многочисленные колонны людей, идущие с крестами, иконами и хоругвями, подходили со всех сторон к селу Мотыкалы... Все старались не опоздать к намеченному торжеству... К 10 часам утра масса молящихся запрудила немалую по размеру площадь, располагавшуюся между церковью в память Покрова Пресвятой Богородицы и памятником-бюстом Александру II, хорошее описание этому моменту дал очевидец тех событий: «Передь церковью возвышались св. кресты, иконы и много хоругвей отъ прибывшихъ многолюдныхъ крестьянскихъ ходовъ (из приходоу: Висницкаго, Теребунскаго и Покрскаго)»... Божественная литургия началась в 10 часов утра и была совершена в сослужении 2-мя священниками: брестским благочинным протоиереем Стефаном Иосифовичем Жуковским, прибывшим из г.Брестъ-Литовска ещё до прибытия крестных ходов, и по благословению Его Прясвященства, Преосвященнейшим Владимиром, Епископом Белостокским, принявшим на себя труд по организации праздника...

По распоряжению владыки Владимира в Мотыкалах впервые Божественная литургия была совершена так, что молитвы и песнопения были слышны на-

роду, запрудившему всю площадь перед церковью. Церковный хор расположился у паперти при западных вратах храма, а находившийся там же дьякон брестского Свято-Симеоновского собора о. Иоанн Житинец звучным голосом читал все ектении, евангелие и апостол...

Такой порядок Богослужения был вызван прежде всего теснотою мотыкальской церкви... Поди, не каждый верующий смог бы попасть во внутрь храма... Но народ этому не смутился, а наоборот, он с благоговением внимал церковной службе, не нарушая при этом тишину и порядок... Во время запричастного стиха священник церкви в память Покрова Пресвятой Богородицы о. Иоанн (Юлиан) Ольховский произнёс прочувственное слово...

Речь священника была сильна!... Он с глубоким патриотическим воодушевлением напомнил молящимся об освобождении крестьян от крепостной зависимости и о долге всех по отношению к главному свершителю сего великого дела - российскому императору Александру II, Царю-Освободителю!... Bravo, о.Иоанн (Юлиан) Ольховский!... Вот такие раньше были великие люди, которые великими делами занимались!... Честь им и хвала за их благородный труд!...

«Протоиереемъ о.Стефаномъ Жуковскимъ съ воодушевлениемъ громко прочитана молитва и памятникъ Александру II со всехъ сторонъ окрестенъ св. водою»...

По окончании Божественной Литургии собравшееся духовенство (восемь священников) во главе с протоиереем о.Стефаном Жуковским при звоне церковных колоколов направилось с крестным ходом к установленному памятнику самодержцу Александру II... Чтобы понять, какое было настроение у молящихся и что значило для них это событие, приведем слова автора воспоминаний:

«Звучно раздалось пение церковных хоров соседних приходов, усиленное массою детских голосов учащихся в церковных и министерских школах окрестных приходов. Со слезами умиления и благодарной молитвы внимали все молящиеся священным песнопением. Вся площадь между памятником и церковью была запружена тысячами молящихся. Между ними видно было не мало убежденных седидами стариков, еще хорошо помнивших печальные времена «панщины». Нужно видеть их здесь у памятника, чтобы понять, сколь горячо молились они, сколько благоговейной благодарности к Богу и Его помазаннику Царю-Освободителю возсылали они к небесам»... После того, как все собрались у памятника-бюста Александру II, началось торжественное молебствие... Всеми молящимися была пропета с большим и редким вдохновением молитва «Спаси Господи люди твоя»... О том, как проходило освящение памятника российскому монарху, есть описание очевидца: «Приблизилась торжественная минута: Протоиереем о.Стефаном Жуковским с воодушевлением, громко прочитана молитва и памятник со всех сторон укреплен св. водою. Опять дружно и громко, из уст нескольких тысяч голосов, раздается молитва «Спаси Господи...»... Богослужение закончилось обычными многолетствованиями, причем после первого многолетия была возглашена «вечная память» Царю-освободителю...

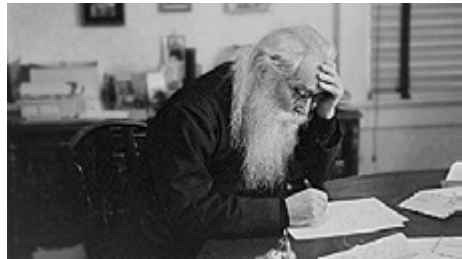
И это было ещё не всё, вот что автор повествует дальше: «Все предстоящие, как один человек опустили на колени и с воодушевлением пропели вместе с церковным хором «вечную память»... Нет слов... С какой же духовной любовью простой люд того времени относился к памяти императора Александра II... Видать, и впрямь сердечно читл

Епископ Белостокский Владимир, а в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий (1873-1959)... Прах его покойся в православной церкви Успения Божьей Матери на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в пригороде Парижа...

На фотографии изображен Иоанн Яковлевич Житинец (1877-1943)... Последняя должность его - настоятель Крестовоздвиженской церкви в д.Вистычи Брестского благочиния...

Родился Иоанн (Юлиан) Ольховский 2 июня (по старому стилю) 1880 году в селе Мотыкалы Брестского уезда Гродненской губернии... С 14 августа 1901 года, был священником храма в память Покрова Пресвятой Богородицы в волостном центре Мотыкалы... Скончался летом 1959 года в американском г. Патерсон (штат Нью-Джерси, США)...

и уважал народ своего царя-батюшку Освободителя!... А по окончании торжества протоиерей о.Стефан Жуковский произнёс слово, которое было обращено ко всем присутствующим; вот что по этому поводу участник тех событий изложил: «Было сказано соответствующее торжеству слово о благодеяниях Божіихъ, изливаемыхъ на насъ чрезъ помазанниковъ Божіихъ, царей православныхъ и въ частности - чрезъ Императора Александра II, Царя-Освободителя и - о долге нашемъ молитвенно чтить всемъ верными и беззаветно преданными подданными царствующему Государю Императору и Имъ поставленному Правительству»... Сказано верно... Всё соответствовало духу того времени...

«Воздвигъ народъ памятникъ своему благодетелю - Царю-Освободителю и этотъ памятникъ рукотво-

ренный долго будетъ говорить о народныхъ чувствахъ къ нему»...

После завершения торжества присутствовавшим крестьянам на всенародном празднике по случаю открытия памятника Царю-освободителю были розданы в большом количестве литографированные изображения как самого российского императора Александра II, так и славнейших событий, связанных с его царствованием... Поистине, это была удача - заполучить на память ценный подарок!...

Но это было не всё... Послышалось пение детей... И какое!... Ученики местного народного училища и местный церковный хор перед памятником монарху исполнили несколько раз народный гимн и другие патриотические песни... Здорово!... Присутствовавший земский начальник 3-го участка Брестского уе-

На фотографии, выполненной в 20-х годах XX века в м.Brzesciu n/Bugiem, представлен коллектив учащихся и учителей Русской гимназии совместного обучения Брестского отдела Русского благотворительного общества на фоне Свято-Симеоновского собора... Во втором ряду сидят слева направо: пятый - настоятель этого храма о.Стефан Жуковский... В том же ряду крайний правый, держащий в руках шляпу, - Владимир Васильевич Петручик (1885-1954), в 1911 году окончил Московский университет по кафедре русской филологии и литературы, один из первых директоров Брестской русской гимназии в начале 20-х годов прошлого столетия (с 1922 по 1924 гг.)...

Литографія
А.И. Стрельцова
издана в 1868 году
к 50-летию россий-
ского императора
Александра II. Могу
предположить, что
по схожему сюжету,
вероятно, цветные
литографические изо-
бражения, посвящен-
ные 50-летию отмены
крепостничества,
были подарены при-
шедшим на открытие
памятника-бюста
Александру II в селе
Мотыкалы 30 августа
1911 года... Может
в чей-то семье этот
подарок до сей поры
хранится...

зда Владимир Карлович Кольман, по желанию крестьян, послал на имя Гродненского губернатора Виктора Михайловича Борзенко телеграмму с выражением их верноподданнических чувств... Сделано разумно, ничего не скажешь!... А в заключение всего произошедшего участник тех событий написал: «Такъ закончилось это редкое в жизни наших сель и деревень торжество. Память о немъ, несомненно, на долго сохранится въ среде народа. А воздвигнутый памятникъ Царю-Освободителю всегда и все-мъ, хотя и безъ словъ, но красноречиво, будетъ говорить, что исторія нашего отечества въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ тесно и нераздельно связана с именемъ Царей, и что это сознаетъ и чувствуетъ русскій народъ и въ Западныхъ окраинахъ и глубокую и искреннею любовью платитъ имъ за ихъ великія деянія»...

Далее он излагает: «Воздвигъ народъ памятникъ своему благодетелю - Ца-

рю-Освободителю и этотъ памятникъ рукотворенный долго будетъ говорить о народныхъ чувствахъ къ нему. Но не одинъ только этотъ памятникъ видимъ мы в западно-русскомъ народе. Есть памятникъ нерукотворенный и неразрушимый. И такой именно памятникъ воздвигнутъ въ сердце народномъ благодѣяніями Царя-Освободителя. Да

Картина «Император Александр II», написанная в 1866 году русским живописцем Егором (Георгом) Ивановичем Ботманом (1810-1891)...

передается онъ изъ рода въ родъ и да будетъ вечнымъ и несокрушимымъ!»...
 Всё сказано от души и отменно!... Жаль, что памятник-бюст Александру II до наших дней не сохранился, и виной всему послужила Первая Мировая война...
 Бюст Александра II, вероятно, исчез также, как и памятники Царю-освободителю, находившиеся в деревне Щерчево Пружанского уезда и в губернском городе Минске... Его могли забрать при отступлении русские воинские части для дальнейшей эвакуации в тыл, или же наступающий противник германцы, либо австро-венгры демонтировали для переплавки на цветной металл...
 Так ли это?... Пока только мои догадки... Но не всё в этой истории оказалось печальным... Пьедестал, на котором был установлен бюст Александру II, как ни странно, сохранился и существовал до определённого времени... Но?... Правда, это уже совсем другая история...

Постскрипtum

В заключение хочу предложить моему уважаемому читателю самый настоящий эксклюзив!...

Представляю стихотворение, написанное, вероятно, в 1911 году на 50-летие отмены крепостного права. Это патристическое произведение под названием «Памяти Царя-Освободителя» вышло из-под пера некоего Я. Хрушова...

*Ужъ много летъ прошло,
 полвека миновало...
 Но живъ еще въ душе священный
 образъ Твой.
 Какъ сердце царское болело
 и страдало —
 Все живо помнимъ мы
 по всей Руси Святой.
 Какъ Ты любилъ народъ,
 Тебе Всевышнимъ данный,*

*Измученный въ конецъ
 и рабствомъ истощенный, —
 Какъ онъ покорно ждалъ
 свободы часть желанный,
 Какъ къ жизни призванъ былъ,
 Тобой освобожденный, —
 Все это помнимъ мы —
 и ныне на коленяхъ
 Молитвы за Тебя несемъ
 Царю — Царей:
 Да дастъ Онъ миръ Тебе
 въ Своихъ блаженныхъ сеньяхъ,
 Да дастъ покой душе
 измученной Твоей!
 Въ одежде царственной,
 съ державой и въ порфире,
 Съ челомъ, израненнымъ
 страдальческимъ венцомъ,
 Пусть образъ Твой живетъ
 во всемъ подлунномъ міре,
 Пусть вечно онъ живетъ
 въ Твоемъ краю родномъ!*

Буду признателен и благодарен всем тем, кто сможет поделиться любой информацией о памятнике-бюсте Александру II, находившемся в нынешнем агрогородке Большие Мотыкалы Брестского района Брестской области... Возможно, в старых семейных альбомах хранятся любительские фотографии, где изображен монумент российскому самодержцу... Пожалуйста, пишите мне на эл. адрес или же звоните на мобильный телефон...

Если у кого-то есть какие-либо вопросы по поднятой мной теме, пожалуйста, прошу связаться со мной по эл. адресу: (brest-bug@mail.ru) или же позвонить по телефону +375 33 328-97-34 (МТС). Буду рад всегда ответить на любой вопрос.

Спасибо всем, кто прочитал мою статью! Другие мои статьи можете прочитать <https://vk.com/wall188548858>

*С большим уважением,
 брестчанин Александр ПАЩУК*